

Литературная газета

№ 63 (626) Среда, 11 ноября 1936 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Цена 30 коп.

О творческой помощи

Состоявшееся недавно заседание Правления ССП поставило ряд чрезвычайно важных вопросов жизни писательской организации. До недавнего времени правление, его президиум мало занимались непосредственно производственными вопросами писательского труда, явно недостаточно обсуждали конкретные произведения писателей. Но самое главное здесь не в количестве поставленных перед правлением ССП творческих вопросов, а в самом характере их обсуждения. Выступавшие говорили с оговоркой, как бы не обидеть писателя, разговоры велись с позиций взаимной амнистии недостатков работы. Присет перед крупными писательскими именами, боясь затронуть больные места писателя, известная разобщенность писателей, — все эти обстоятельства отнюдь не способствовали и не могли способствовать росту художественной литературы.

В передовой нашей газете от 5 сентября этого года «Важнейшая задача» мы обратили внимание всех писательских организаций на необходимость всемерного развертывания систематической политической работы с писателями.

«Отрыв от действительности, — писали мы, — некоторых наших писателей, живущих в последние остатки когда-то в прошлом приобретенного «капитала» жизненных наблюдений и знаний, — разве это не очевидность слабости той работы, которая должна сыграть писателя о нашей действительности, помочь ему в организации связей с ней? Ведь каждый честный художник, в таких позволяющих большинство средств советских писателей, искренне стремятся к познанию нашей замечательной действительности, к тесной связи с ней, к органическому слиянию с жизнью народа».

Начавшая другая действительность не дает столько богатейшего материала художнику, сколько наша советская действительность. Но чтобы равняться в нем, необходима помощь и подлинное руководство творчеством советского писателя.

Обсуждение творческого отчета писателя В. Пильняка на заседании Президиума ССП как раз и характеризовало тем, что так называемые вопросы «специиции творчества» были перенесены в политическую плоскость. И это обстоятельство сыграло решающую роль в обсуждении творческого самоотчета Вор. Пильняка.

В самом деле, советская критика не раз определенно указывала на недостатки и отрыв в последних работах Пильняка.

Заслуженно суровую оценку получила книга В. Пильняка «Созревание плодов», еще более суровую и абсолютно справедливую оценку заслужила его книга «Масо», написанная совместно с Бельяевым. Борис Пильняк склонен был искать причины своих неудач в «несправедливом» отношении критики, появившейся по его мнению, на читателя произведений Пильняка.

Искать причины творческих неудач в плохом отношении критики, в непонимании советским читателем «длинной» писателя, склонен не один В. Пильняк. Некоторые писатели, как только столкнутся с творческой неудачей, готовы опустить руки, начинают вести разговоры о том, что может быть их творчество не нужно, и не лучше ли им уйти из литературы.

Эти настроения ни в какой мере не характеризуют подлинно творческого работника. Что было бы, если бы ученый после одного-двух неудачных опытов опустил руки и прекратил свои исследования. Разве когда-нибудь он дал бы науке что-нибудь подобное научным итогам работы академика Павлова?

Что произошло с Пильняком? Пильняк в своей писательской работе систематически уклоняется от генеральных тем нашей действительности, обнаруживает непонимание ее. Он, характеризуя свое отношение к прошлому к нашей действительности, как отношение стороннего наблюдателя, не понимает того, что эта позиция сохраняется у него по сегодняшний день. Отсюда — всевозможные «отписки» от больших тем, поверхностные и легковесные литературные «сезонные работы». В Пильняк потерял уважение к своему писательскому труду. Поэтому и критик и читатель потеряли уважение к писательской работе В. Пильняка.

Тов. Сталин, много уделяющий внимания советской литературе, давший писателю высокое звание инженера человеческого духа, предупреждал литераторов о необходимости чуткого подхода к писательскому труду. Товарищ Сталин предупреждал руководителей советской литературы, что не следует писателя обижать непременно писать о колхозах и Магнитогорске. «Нельзя, — говорил он, — писать о таких вещах по обязанности».

Советский писатель должен работать на темах и материалах, органически свойственных ему.

Но эти темы и материал должны быть политически осмыслены. К нашей действительности писатель должен подходить с позиций социального реализма, с позиций революционного мировоззрения пролетариата.

Когда разговор с Пильняком на заседании Правления ССП был перенесен именно в эту политическую плоскость, все стало на свои места. Все ошибки и беды Пильняка, как и некоторых других писателей, выявились совершенно отчетливо.

Дружеская, товарищеская творческая помощь этим писателям как раз и состоит в том, чтобы помочь им продумать с точки зрения политической свои творческие позиции, найти свою тему и начать работать не «сезонно», не на холостом ходу, а глубоко и органически в соответствии с их творческими интересами и устремлениями.

Только прямой разговор с писателем, до конца вскрывающий причины его неудач, поможет ему преодолеть свои недостатки и обеспечить создание в союзе писателей подлинно творческой среды.

Товарищи Калинин, Каганович, Сталин, Микоян, Молотов, Рудзутак, Андреев, Чубарь, Хрушев и Межлаук на правительственной трибуне на Красной площади 7 ноября 1936 г.

7 ноября на Красной площади

К девяти часам утра красноармейские части заполнили Красную площадь и прилегающие к ней улицы. Десятки тысяч бойцов-пехотинцев, кавалеристов, танкистов, артиллеристов, моряков выстроились на празднично украшенных центральных площадях Москвы, в переулках Китай-города, на улице, носившей имя великого пролетарского писателя — Горького.

Войска готовы к параду. Торжественная тишина — на огромном пространстве, занимаемом полками, эскадронами и дивизионами, стоящими под сенью своих боевых знамен.

Огромная стрельба часов Спасской башни приближается к десяти. Залитые переполненные гостиные трибуны. Вдруг они оживились. В воздухе зареяли крики приветствия, аплодисменты. На площадях появляются делегаты героического народа Испании, прибывшие в Страну Советов с передовых позиций фронта. Некоторые из них ранены. Председатель делегации Антонио Перро Мурриал, раненный фашистами в Бож, переливается на костылях. У делегата пулеметчиков Хозе Родригес перевязана правая рука.

Возволнованные горячим приемом, идут мимо трибуны бойцы Испанского народа, в борьбе с мировыми фашистами силами завоевывавшего себе славную жизнь.

Всего несколько минут остается до начала парада. Наступившая на минуту тишина разрывается громовым «ура», восторженными приветственными криками на русском, французском, украинском, английском, таджикском и многих других языках: на левое крыло мавзолея поднимается великий вождь народов Советской страны и трудящихся всего мира тов. Сталин. С ним его ближайшие соратники тт. Молотов, Каганович, Калинин, Орджоникидзе, Андреев, Микоян, Чубарь, Рудзутак, Бжов, Межлаук, Антипов, Хрушев, Шкирятов, Яковлев. На другом крыле мавзолея встают маршалы

Советского Союза товарищи Тухачевский, Егоров, Буденный. На одной из трибун расположился дипломатический корпус. Среди почетных гостей — председатель Совета министров Монгольской Народной Республики г. Амор, министр торговли МНР г. Менда и другие сопровождающие г. Амора лица.

Справа у мавзолея — военные атташе иностранных государств.

Размеренно бьют часы. И когда над площадью прозвучал последний удар, из Спасских ворот выехал народный комиссар обороны, маршал Советского Союза тов. Ворошилов.

Приняв доклад от командующего парадом командарма 1-го ранга т. Белова и обжав фронт войск, т. Ворошилов поднимается на левое крыло мавзолея и обращается к войскам и трудящимся столицы, ко всему народу Советского Союза о большой речи. Радио разносит по необъятной Советской стране яркие и проникновенные слова любимого народа.

Войдя великой страны. Не прерываясь ни на минуту, звенят громкие песни, приветственные клики. Стройными колоннами рабочие, служащие, художники и академики, писатели и колхозники примосковок сел движутся мимо мавзолея, демонстрируя свои успехи, достижения, свое торжество, свою преданность делу социализма.

Колонны ярко убраны. Над многотысячными рядами электроразвлекательных вывесок монументальная фигура Ленина. Школяки пронесут макет «Авроры». Вот проплывает огромное панно — т. Сталин на парижском фронте. Вся история Октябрьской революции, гражданской войны, все великие победы, одержанные страной за XIX лет, нашли отражение в праздничном убранстве колонн жителей столицы.

Неисчислимо количество портретов тов. Ленина и тов. Сталина, а также и тт. Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинин, Орджоникидзе, Андреева, Косиора, Микояна, Чубаря, Петровского, Постышева, Рудзутака, Жданова, Бжова, Димитрова, Тельмана.

На алых стягах написаны слова, выражающие чувства и мысли всех демонстрантов: «Сталин — это победа», «Слава великому Сталину».

Но, празднуя свой великий день, трудящиеся Советского Союза не должны ни на минуту забывать о врагах. И сотни лозунгов, транспарантов призывают народ Советской страны к революционной пролетарской бдительности:

— До конца искореним троцкистско-зиновьевских мерзавцев — фашистских разведчиков, шпионов и вредителей!

В нашном убранстве колонн особенно ярко выделяется одна тема — тема сталинской Конституции. Гордо и почтительно шагает советский народ, завоевания которого записаны в исторических параграфах этой великой хартии. Золотую книгу основного закона Союза Советских Социалистических Республик бережно несут в руках рабочие, туркмены, русские, украинцы, грузины, турки, армяне, казахи. Словами горячей благодарности великому Сталину — творцу Конституции страны социализма — заполнены тысячи плакатов и полотен.

С революционным подъемом, с огромной силой выразили они в этот день свою преданность большевистской партии и делу социализма, свою искреннюю любовь к великому и мудрому Сталину.

Речь тов. К. Е. Ворошилова

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Товарищи рабочие, работники, колхозники, колхозницы, работники науки и техники, трудящиеся на всех направлениях строительства социалистической России!

Товарищи представители зарубежных братьев-пролетариев! От имени и по поручению Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии и Правительства Советского Союза горячо приветствую вас и поздравляю с девятинадцатой годовщиной Великой Октябрьской Революции в Советском Союзе!

Товарищи! Девятинадцатую годовщину празднуем нашей Родины встречая новыми, замечательными, истинно огромными успехами и победами на всех участках строительства социализма! Нет ни одной области ни одного уголка в нашей стране, где бы сегодня трудящиеся-работники социализма — не отмечали растущих достижений и успехов в своем напряженном, организованном, культурном труде.

Во всех отраслях социалистического хозяйства — промышленности тяжелой, легкой, пищевой, местной, кооперативной; в социалистическом транспорте, особенно железнодорожном, мы отмечаем все новые и новые победы.

Социалистическое сельское хозяйство, невзирая на громадные трудности в связи с засушливостью истекшего года, имеет тем не менее дивосельские успехи. Только советская власть, только Октябрьская Революция, освободившая народы нашей страны, дала возможность сельскому хозяйству, нашим замечательным людям-работникам земли — преодолеть трудности, которые в любых условиях сулили страшные бедствия нашему народу.

Работники культуры, искусства, школы — люди, работающие над душами нашего прекрасного народа, — в истекшем году также достигли огромных побед.

Стахановское движение в этом девятинадцатом году советской власти, мощное «ура», перекинувшееся от одной части площади к другой, бурмает захватывающие слова народа. Оно подхватывается на трибунах, Оркестры играют «Интернационал». Орудиный салют сотрясает площадь.

развернувшись широко и влиа вглубь, имеет замечательные, волнующие успехи. Люди труда стали иными, они по-другому подходят к своей работе, новыми методами решают трудовые процессы.

Девятинадцатый год, товарищи, войдет в историю, в нашу советскую историю, в новую историю человечества голом новой советской социалистической Конституции. Сталинский коммунизм, в котором отражены чаяния не только нашего народа, надежды трудящихся не только нашей необъятной страны, но и всего человечества, — есть выражение нашей упорной, великой работы и побед на трудных фронтах.

В двадцатый год мы вступаем всем нашим могущественным советским коллективом полные гордой уверенности, что и наступающий двадцатый год принесет социализму новые, не менее замечательные успехи и победы. Советская власть есть такая власть, которая ведет народы только к новым и новым успехам и достижениям.

Наша страна в этом году, как и в предшествующие годы, оставалась единственной страной в мире, где партия научного социализма, партия Ленина — Сталина вела массы от победы к победе. Нет пока еще в мире другой такой страны, мы — единственная страна социализма! И по нашей стране, по нашим победам и достижениям будут ревновать и завидовать трудящиеся массы всего мира.

Нашу страну и в этом году, как и раньше, защищала могучая Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Красная Армия есть плоть от плоти и кровь от кости великого советского народа. Защищая мирный труд советского народа, она представляет собой самый народ, выражает его волю, его чаяния, его надежды, его упорную борьбу за новые социалистические достижения, за мир во всем мире.

Народы Советского Союза и вместе с ними Красная Армия стремятся к миру. Но в то же время мы, бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как и все трудящиеся нашей

великой Родины, как и Советское Правительство, как и партия Ленина — Сталина, знаем, что мир в наше время можно сохранить и обеспечить только болевой, упорной работой по укреплению обороны своего пролетарского государства. И эту работу наша партия, Правительство, весь народ ведут неустанно, неизменно и упорно, с каждым днем являя образцы все новых и новых достижений в области неприсоединенности, крепости и нерушимости священных советских границ.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия, вступая в двадцатый год существования Советской власти, всегда готова отразить врага, откуда бы он ни появился. Как и раньше, Рабоче-Крестьянская Красная Армия готова быть врага там, откуда он осмелится двинуть свои полчища на нашу Родину. Мы склонны думать, что как бы таковы классовые враги не базировались, сметости у них не особенно много, чтобы дерзнуть напасть на нашу страну. Но если тем не менее, «споспб бог» их накажет, они и в них разум и они все-таки дерзнут, — они будут очень и очень плакаться и раскисаться в своей наглости.

Пусть же наша великая Родина живет, крепнет, цветет и идет к новым, еще более славным, еще более замечательным победам!

Пусть крепнет, развивается, становится нерушимой силой, о которую разобьются все козни врагов, — наша славная Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

Пусть здравствует, живет, развивается, крепнет, становится еще более могущественной, еще более славной наша великая партия Ленина — Сталина, — сила, определяющая все наши победы, указывающая пути к достижению этих побед, сила, дающая жизнь, счастье народам Советского Союза!

Пусть живет и здравствует на радость, честь и славу трудящихся масс нашей Родины и всего трудящегося человечества — наш великий, родной, наш учитель, друг, товарищ и вождь — Сталин!

Ура!!! (Крики «ура», «Интернационал».)

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Парад на Красной площади. На снимке: танк на Красной площади.

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Парад на Красной площади. На снимке: танк на Красной площади.

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Парад на Красной площади. На снимке: танк на Красной площади.

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Парад на Красной площади. На снимке: танк на Красной площади.

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Парад на Красной площади. На снимке: танк на Красной площади.

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Парад на Красной площади. На снимке: танк на Красной площади.

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Парад на Красной площади. На снимке: танк на Красной площади.

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Парад на Красной площади. На снимке: танк на Красной площади. Фото Велдкманна (Советфото).

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ КИЕВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Писатели Киева с большой готовностью помогают героическому испанскому народу.

Все время поступают одновременно взносы в фонд помощи испанским женщинам и детям.

На общем собрании писатели обещали ежемесячно отчислять однодневный заработок.

Жены писателей уже внесли 3000 рублей.

Не только деньги свои отдают украинские писатели безстрашным испанским женщинам и их детям, — они готовы отдать и всю энергию и время воспитанию осиротевших испанских детей. Некоторые писатели заявили о желании принять в свои семьи испанских детей (И. Кулик, М. Ваян, Ф. Бурлак и др.).

Для увеличения фонда помощи испанскому народу «союз писателей Украины совместно с союзом работников искусств устроили в театре им. Франка большой литературно-художественный вечер, который привлечет исключительное внимание трудящихся Киева.

Вечер открыл А. Г. Сенченко. За

тем гостивший в столице Украины Г. Лахути прочел на таджикском языке стихи, посвященные борьбе в Испании. Поэт рассказал собравшимся о той радости, с которой он будет воспитывать двух маленьких испанских ребятишек.

Писатели и поэты Украины: П. Тычина, М. Рыльский, М. Ваян, А. Копыленко, И. Кулик, Иван Ле, П. Усенко, Н. Ушаков, А. Любченко, И. Фейер, В. Сосюра и приезжавший из Москвы А. Жаров прочли свои произведения, посвященные героизму бойцов революционной Испании.

Вечер принимали также участие известные украинские артисты — народный артист республики орденоносец Донец, Петрусенко, артист еврейского театра А. Гранак и др.

В антрактах пролаливались книги с автографами писателей и специальный номер украинской «Литературной газеты», посвященный событиям в Испании.

Весь сбор с вечера, в сумме 17.000 рублей, поступил в фонд помощи героическому народу Испании.

Киев.

Ц. БР.

СБОРНИК БЕЛОРУССКИХ ПОЭТОВ

Белорусские советские поэты активно откликнулись на испанские события.

По инициативе секции поэтов ССП БССР написана книга о героической борьбе испанского народа. В нее вошли стихи Янки Купалы, Якуба Коласа, Андрея Александровича, Пятруса Бровка, Петра Глебова, Микола Хведаровича, Аркадия Купцова, Алеса Звонака и др., а также переводы на белорусский язык стихов об Испании еврейских поэтов Зелига Амселера, Г. Камешко, рус-

ских поэтов: М. Голубого, Исаяковского, Светлова, поэтов-орденоносцев Гасема Лахути, Сулеймана Стальского, грузинского поэта Тишана Табидо, украинского поэта Леонида Первоматюка, В. Сосюра, польского поэта В. Ковальского. В книгу включены также переведенные на белорусский язык стихи испанских революционных поэтов Рафаэля Альберти и Луиса-де-Таллы.

Вся выручка с книги поступит в фонд братской помощи испанскому народу.

Минские, А. Шинилов — «Испанец и Испанка», А. Рогинской — «Пулеметчик», «Горняк деревня» и др.

П. Рербер, кроме граверов, представил устроители «Пору во время чумы» А. С. Пункина, С. Чехов дал два рисунка сада А. П. Чехова в Ялте, В. Чернецов — иллюстрации к роману Ю. Тынянова «Кюхля» и т. д.

Цены большей части картин, граверов и рисунков на выставке-базаре весьма доступны — от 5 до 30 рублей.

Выставка-базар

Московский городской комитет художников и графиков устроил в Клубе мастеров искусств (Пятковский пер., 2) выставку-базар, вся выручка с которого поступит в фонд помощи пролетарским женщинам и детям Испании.

Около 400 работ дали на эту выставку московские художники В. Фаворский, И. Рербер, П. Радимов, А. Фоминкин и др. Среди карандашных рисунков интересны зарисовки, сделанные в Испании: Д. Бистролетовым — «Горняк Астурии на

Пушкинская хроника

Общегородской вечер чтки и обсуждения переводов на белорусский язык произведений А. С. Пушкина...

Лекции о Пушкине в районных центрах организован харьковский пушкинский комитет...

Бирюбинский союз писателей наметил организацию пушкинских вечеров на предприятиях...

С писем о мероприятиях к столетию со дня смерти Пушкина обращаются ко всем советским, общественным и молодежеским организациям...

Громкие чтки произведений великого поэта проводятся на предприятиях г. Омска...

Марийские поэты Олег Ипай и Казков Миклай закончили перевод «Русалки» и «Монарха»...

Чувашский поэт Н. Ягас перевел на родной язык «Скупого рыцаря»...

Памятку краснофлотца о Пушкине выпускает в Севастополе редакция многотиражки...

Номосомольцы-летчики школы им. Боршилова готовятся к празднованию пушкинской конференции...

Кружок по изучению творчества Пушкина организовали студенты татарского техникума в Ульяновске...

По инициативе колхозников создан кружок имени Пушкина в селе Большая Кичи Кулбшеского края...

Литературно-художественный журнал памяти Пушкина выпускает алтайская школа им. Красина...

Пребыванию великого поэта на Украине будет посвящена большая выставка, организуемая в Киеве...

Художники гусевского стеклозавода оортовой посуды готовят несколько больших хрустальных цветников...

Иван Новиков. Пушкин в Михайловском. Роман. «Советский писатель». М. 1936, тираж 10.000.

ЖИВОЙ ПУШКИН

В. ВЕРЕСАЕВ

Значение биографических романов и драм, как таковых, когда они касаются лиц, нам духовно близких...

Роман Ив. Новикова заставил меня переменить мнение. Все, что автор рассказывает о Пушкине...

Вот отрывок. Пушкин встречается в Григоровке с приехавшим туда поэтом Языковым...

Но Пушкин, однако ж, его покорил; сразу, тотчас. И покорил больше всего именно тем, что совсем не хотел покорять...

Или вот. Пушкин в Григоровке читает в присутствии Языкова свои «Ванхвистскую песню»...

В комнате глубокая тишина. Все около распахнутой восточной двери...

Иван Новиков. Пушкин в Михайловском. Роман. «Советский писатель». М. 1936, тираж 10.000.

восторг — немой и потрясенный. Хоаялка? Да к чорту хоаялка! Хоаялка... о горячая жизнь, как ты коротка!

Рядом тонких штрихов Новиков рисует психологию творчества поэта. Поэт наталкивается в жизни на какую-нибудь сценку...

До сих пор очень у нас распространено отыскивание «прототипов» к образам художника...

И она создавалась в Пушкине и вырастала отнюдь не из образа отдельной какой-нибудь женщины...

Пушкин читает с Пушкиным «Горе от ума».

Пушкин читал с большим удовольствием, все более и более разгораясь...

Открытый до дна в стихах своих, Пушкин был в них открыт лишь для себя...

«Онегин» кипел, переливался и искрился, и он был так же широк и вместителен, как и чапа озер и всего горизонта с этими волнами...

И в более поздние годы, когда Пушкин искал примирения с Николаем I, когда он считался был бы единственным человеком...

он умел подниматься и над собой самим.

«Всем чужим». «Умел подниматься над собой самим». И еще одна характерная черта: его мятельность.

Потребность нарушить как-нибудь жестом, вольным или дерзким, остервеневшую «привлеченную» жизнь была в нем всегда.

Роман Новикова — не произведение дилетанта, насколько ознакомленного с ходом биографического материала о Пушкине.

Можно, конечно, различно оценивать роман Ив. Новикова. Но талант автора, его эрудиция, серьезное отношение к делу, любовь к Пушкину...

Свою рецензию С. Гессен начиняет так: «К числу крупнейших художественных произведений о Пушкине последнего времени принадлежит повесть Ив. Новикова».

Помещение подобных аэражированных рецензий в серьезном литературном журнале — просто позор.

В таком окружении людей, лишенных, по видимому, малейшей индивидуальности и аккурратно подстриженных под одну гребенку...

Когда человек задается специальной целью «раскатать» вещь, то в средствах он не считает нужным разбираться.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

Пушкин и Сергей Львович. В романе рассказывается о колоссальном, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПУШКИНУ

НА ОБСУЖДЕНИИ В «ЛИТЕРАТУРНОМ СОВРЕМЕННОМ»

«Материал из нас с детства зарезан Пушкиным, для каждого из нас Пушкин — олицетворение самого драгоценного в искусстве».

Эти слова К. С. Петрова-Водкина, сказанные им на совещании художников, пушкинских и писателей, созданном ленинградским журналом «Литературный современник»...

С. Юлиев, Е. Кириль, Н. Тирса, М. Кузков, С. Марич, Б. Томашевский, Н. Станович и др. говорили о гравюрах и полотнах, посвященных Пушкину...

Мастера живописи давно интересуют личность и судьба гениального поэта. Все же то немногое, что до сих пор в этой области сделано...

Эта тема была подробно освещена в выступлении К. С. Петрова-Водкина, встреченном с исключительным вниманием и интересом.

Петров-Водкин рассказывает о собственной неудаче при работе над групповым портретом литераторов, которые, по его выражению, все бежали от общества с Пушкиным...

По просьбе собрания художники дали подробную оценку всем работам, подготовленным Гостиниздатом для юбилейных пушкинских изданий.

Пушкин до сих пор не очень велю в изобразительном искусстве, как и в театре. Ни на сцене, ни в книжной графике, ни в живописи не выявлялись произведения, которые были бы в полной мере адекватны творчеству великого поэта.

В чем же секрет? Нужно ли считать принципиально невозможным воплощение пушкинских замыслов в изобразительных образах (такая теория создана некоторыми театральными работниками)...

О своих «мук творчества» рассказывал на совещании Е. Кириль, одобривший ряд интересных, очень красочных иллюстраций к «Сказкам».

В поисках национального и народного языка художник делал десятки рисунков и вариантов, чтобы потом остановиться на одном из них, но всегда на наиболее удачном.

Степанограмма совещания будет напечатана в специальном пушкинском номере «Литературного современника». Первая встреча художников с пушкинскими и писателями не должна остаться единственной.

Ленинградский союз советских художников, готовящий в пушкинскому юбилей специальную выставку работ своих членов, не должен ограничиться в порядке подготовки к ней этим совещанием.

Последующие могут быть еще более плодотворными.

А. АЛЕКСАНДРОВ. Ленинград.

«Пушкин в селе Михайловском». С картиной худ. Н. Ге.

Тема возмездия в творчестве Пушкина

В. КИРПОТИН

Пушкин был представителем нового мироощущения и новой нравственности своего времени. В неведомой и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступил с идеями просвещения, свободы, независимости личности...

Когда мы знакомимся с историей России начала XIX века, особенно в период после поражения декабристов, с господствовавшими в ней православием, ханжеством, мракобесием, невинностью к мысли, холопством, бесправием, обезличиванием и пресмыкательством...

Пушкин был представителем нового мироощущения и новой нравственности своего времени. В неведомой и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступил с идеями просвещения, свободы, независимости личности...

и Энгельс, — «в пределах отношений определенной нации это может провозгласить также благодаря тому, что противоречие обнаруживается не в далеких национальных рамках, а между двумя национальными сообществами и практикой других наций».

На огромном значении европейского просвещения для формирования позиции Пушкина не следует, однако, как пытаются утверждать некоторые литературоведы, что она есть результат только влияния Запада.

Пушкин был представителем нового мироощущения и новой нравственности своего времени. В неведомой и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступил с идеями просвещения, свободы, независимости личности...

Григорьев и Белкина, а также Пушкин не только как неополонные своего народа в политическом отношении, они с умом изображены ограниченными людьми. Они тесны, благородны, на них можно положиться в трудную минуту личной жизни, но они не образованы, они лишены обобщающей силы разума, необходимой для того, чтобы задуматься над окружающим, над злом в жизни.

И в более поздние годы, когда Пушкин искал примирения с Николаем I, когда он считался был бы единственным человеком...

Пушкин был представителем нового мироощущения и новой нравственности своего времени. В неведомой и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступил с идеями просвещения, свободы, независимости личности...

ренье и гармония Григорьев и Белкина были невозможны как прекрасные, но далекий детский сон. Для Пушкина гармония с миром была бы возможна только путем сохранения его духовного богатства, которое он до конца прожил и сжог искре светилости и отрицательного вневещания достоинства окружающего.

Была еще одна возможность ликвидации разрыва с действительностью, наличие которой Пушкин так же сознавал и которую он также отвергал. Можно было оторваться от того, что делается в широком мире, замкнуться в узкий круг любви, дружбы и пира, превратить свое существование в добровольное заточение на безлюдном острове Цитеры.

И в более поздние годы, когда Пушкин искал примирения с Николаем I, когда он считался был бы единственным человеком...

Пушкин был представителем нового мироощущения и новой нравственности своего времени. В неведомой и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступил с идеями просвещения, свободы, независимости личности...

Стремление Пушкина к независимости не было прихотью, беспричинным провозглашением «сверхчеловека», которого существует один только закон — так гласит Пушкин. Он умел ужиться с миром и людьми. Он понимал, что осуществление независимости требует определенных условий.

И в более поздние годы, когда Пушкин искал примирения с Николаем I, когда он считался был бы единственным человеком...

Пушкин был представителем нового мироощущения и новой нравственности своего времени. В неведомой и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступил с идеями просвещения, свободы, независимости личности...

Пушкин был представителем нового мироощущения и новой нравственности своего времени. В неведомой и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступил с идеями просвещения, свободы, независимости личности...

Самое страшное возмездие за то, что он не похож на других, не живет как другие, он несет в себе самом. Оно — возмездие за то, что он не делится в тот момент, когда он в скромной переписке барышне Татьяне не узнал той, которая могла бы составить его счастье.

И в нем Параша усюком. Кровать, да стула, щей горшок Да сам большом...

И в нем Параша усюком. Кровать, да стула, щей горшок Да сам большом...

Пушкин был представителем нового мироощущения и новой нравственности своего времени. В неведомой и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступил с идеями просвещения, свободы, независимости личности...

«Пушкин»

ОТРЫВОК ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ РОМАНА.

Ю. ТЫНЯНОВ

Александр не давал своих стихов Кочанскому. Глубоко уныние, в которое впал непробужденный поэт при чтении чужих стихов, его бесстрастный голос, когда он делал свои замечания, почти всегда делались, самые похвалы — с жеманной улыбкой, — отучили Александра. Заметя по пренебрежению Кочанского к некоторой хитрости выправки стихов на руку мальчишки-поэта, большим карандашом со сладострастием зачеркивал ненужные или бессмысленные слова и тут же напечатанное исправление. При этом обнаружилось важная черта: для него было равно погрешностью ошибки против слога и правописания. Для его самолюбия была чем-то оскорбительна скороспелая поэзия. Они послали на священное ремесло прозаическое для людей ученых зрелище, искусственных. Учатые стихи, которые вступают похвалы и мальчишек там и здесь — было дело несправедливого случая и заставляли его оминовать в себе.

Александр привлек в отцовском доме к разговорам о стихах; особый блеск в глазах появлялся у дяди, отца друзей их, когда они говорили о стихах, театре, женщинах и счастье: картах. Счастливые стихи вынылали смех, восхищение, зависть, как красавица, увезенная на дому, из под носа у родителей, плачу, и плача, приносили новую статью.

Если славный стих был печаль, все смотрели друг на друга, сочувствуя, с восторгом таинственным и важным, как авторитетный. Если поэма была азарная — все замолкали, когда мать, тогда или гостя приближалась к столу; думавшие, счастливый сонный познаниями, они обнимались пожелавшими любознательности. Кочанский читал стихи плавно, покрывая вступать в главные места, покаяя голос до шепота в других, прерывая стих и останавливаясь для пожеланий; он знал куда больше, чем дядя Василий Львович, но знал не то. У Александра почти наизусть сидела поэма. Он видел дядю, на которых еще не облеклись чернилами, он знал, что поэты уходят, когда стихотворение устает.

Кочанский бормотал, дядя ругал Дерякина, ворчал на Дмитрия. Кочанский ругал только Третьяковского. Кто был славней — тот вызывал его похвалу во всем. И он не верил Кочанскому, когда тот критиковал его стихи. Каждая строка была неверна, рифмы бедны, не было плавно, но он никогда не говорил об этом стихотворении. Он был прав и не прав. Когда он говорил о высокой поэзии — он закатывал глаза. Те же, когда говорил о женщинах. Назидатель его была жеманная.

У Александра был свой критик — гувернер Иконников. Любитель правды, сумрачный, бледный, с дрожащими от пынства руками и диким взглядом, — был несчастный безумец. Он любил стихи и свои, и чужие но мало о них говорил и почти вовсе не делал делных замечаний. Подняв палец к бледным губам, он слушал их — и бледнее еще бледнее. Он дважды сухо сказал Александру, что стихи дурны, и Александр не подумал обидеться. Он вступил покая, что стихи и в самом деле дурны. В третий раз Александр прочел стихи которые считал вздором — и Иконников бросился его обнимать. Этот бледный безумец, Дон-Кихот, знал, как казалось, какой-то секрет стихов: быть может, точно у этого вздора, который он прочел, были свои достоинства.

Вскоре в лице стало известно что Иконникова изгоняют за дурные привычки и дурное поведение на ученье. Подползавши и Кочанского и Писецкого, бледный, о длинных дрожащих пальцах, любитель правды, очулся в карман единствен-

ное свое имущество — стихи Горация в кожаном переплете и пришел проститься.

С первым простился он с Чирковым. Всегда чинный, маленький Чирков упал к нему на грудь и хриплым голосом прошептал:

— Прощай, друг!

И он приложил к глазам громадный красный платок, который смок в мгновение ока. Калинин обнимал его и кричал. Они все собрались кругом и посмотрывали, нейдет ли Писецкий. Любитель правды обратился к ним.

— Лыбу себя надеждою, милостивые государи, — сказал он, — что связь наша не прервется, — басыи господина Яковлева и Дельвига, песни господина Пушкина всегда будут в моей памяти. Уважая ваши занятия поручаю себя вашему благоволению.

Иконников поставил себе за правило говорить с ними без всякой колкости. Они не были для него мальчишками, юнцами, отроками и проч. Маленького Кочанского он обнял и прижал к груди:

— Прости, любезный мой, — сказал он, — дружба наша утвердится разлукою.

Пушкину и Дельвигу он сжал крепко руки, раскланялся чопорно и удалился мерным военным шагом.

Александр видел дружбу, безумие, честность гордость, нищету, — он никогда не видел ранее такого бедного человека.

Многим были недовольны Дельвиг, Мисоелов и другие. Родители приносили в лице неустойчивости отчего дома: давно уже они никак не выжидали и, старомодные выходя из другого мира, толпились чужаки, с некоторою робостью по праздничным дням в приемном зале. Длинная немощная шаль, роскоши Кухельбеков вползали по полу; в палатов царствование она была почти молчалива; уясный был был на голове полковника Дельвига, в отставке утраченного предствление о форме. Родитель Вальковского был беден, как церковная мышь. Немудрено: фамилия свою утратили первоначальною целью своего существования, либо ее не достигли.

Дед Дельвига, полстипенди, как дед Александра, был верен Петру III, и с тех пор фамилия держалась в глухой багрянской провинции; отец Кухельбеков, ученый немец в перод, чуть не попал в милость к императору Павлу, который в последние дни своего царствования его прибил. Он мог стать графом Кухельбеком, но так и не стал. Отец Вальковского всегда пребывал в средних чинах и бедности. Большая трулов стоило им привезти в породок свои сиротки, шинели, шали. Шинелиские все это знали лучше, чем Мартин стремившийся истребить родительскую власть.

В часы приемов, редких свиданий со своею кошачьей покладкой, неопределенной улыбкой, изустит всегда оказывался в приемной зале. Он не вступал в разговоры, но слушал все, что говорилось, и не скрывал этого. Иногда, когда матери стиликом долго обнимали сыновей, он бледно улыбался. Как бы лея с родителями и матерью, родительской власти, он обнимал воспитанника, уводя его от отца или матери. Он с добродушием говорил о родителях, родительницах и даже давал им шуточные прозвища, показывая, что и он не вовсе чужой.

— Однако, какой он у вас... брамарбе, — сказал он, умильно улыбаясь, Мисоелову о его мешковатом родителе.

Мисоелов после этого стал говорить, что стоит палец захотеть, и от лица мокрого места не останется.

Простой и глухой, он был упрям. Он то и дело громко ворчал под нос бранимые слова, и все знало, что Мисоелов говорит об инспекторе. Малиновский его стал останавливать:

— Да, ты не хочешь слушать, — сказал плавно Мисоелов, — а знаешь, как он твоего отца обмывает?

— А как? — спросил поражанный Малиновский.

— Да так, — ответил Мисоелов.

— Как? — наседали на него дядни Малиновский.

— А вот так, — отвечал несколько перетруивший Мисоелов.

И он сказал Малиновскому, что инспектор надеется «родить» директора и «осадить», а самому сесть на его место. И что он слышал, как Мертин ругал директора Фрута Сюмерту Илье:

— Он-де, директор, такой — он слаб, он баба, — будто бы сказал инспектор Мартин. — Где ему.

Малиновский сжал кулаки, и Мисоелов зажурился.

— Добро ему, — сказал Малиновский, и слезы показались у него на глазах.

Кол-кому и здесь повело.

К Горчакову, например, мать не зашла, затем, что была почти всегда за границей, где летала младшее сына, умышленного.

Дяденька, покровитель, писалва племяннику. Письма его писаны были черной и крупно — почерк воина как повелел Кавказик. Тетюшка писала по-французски. Горчаков писал письма азарно и жаловался тетюшке, что его бедные глаза сплываются.

— Тетюшке на папилютки, — говорил он об этих письмах.

— Матушка невольна Веню, — говорил он, дует тыльный ветер, она простужена.

Ему ничего не стоило получить письмо из Вены. Валена, Парижа, Мартин не спрашивал его о родителях и этим вызывал некоторые уважение.

— Дяденька Пенцуров, — говаривал Горчаков с улыбкой Пушкину, — пишешь, чтобы я прислал лифские стихи, — собираешь посылку, да все не соберешь. Нет ли нового? У меня есть эпиграмма на трех депутатов, — умоляет.

Мартин шалил и Бакунина.

К Бакунину являлись мать с сестрой. Все заглядывали в приемную и, несмотря на запрещение, часто пробегали мимо. Бакунин оставался вдалеке и предствление. Сестра была стройная, большеглазая. Мать же была дородная и богишня. Она была известная пригородная сплетница, и прибитые ее означало, что двор переехал в Парское село. Писецкий не был невольник, когда они заходили. Он задерживал пробегавших и с удивлением спрашивал их, зачем они здесь. Лишь его оживлялось. Может быть он готовился искоренять грехи, а быть может, молотилась Бакунина ему нравилась. По крайней мере Пушкин и Дельвиг именно так полагали.

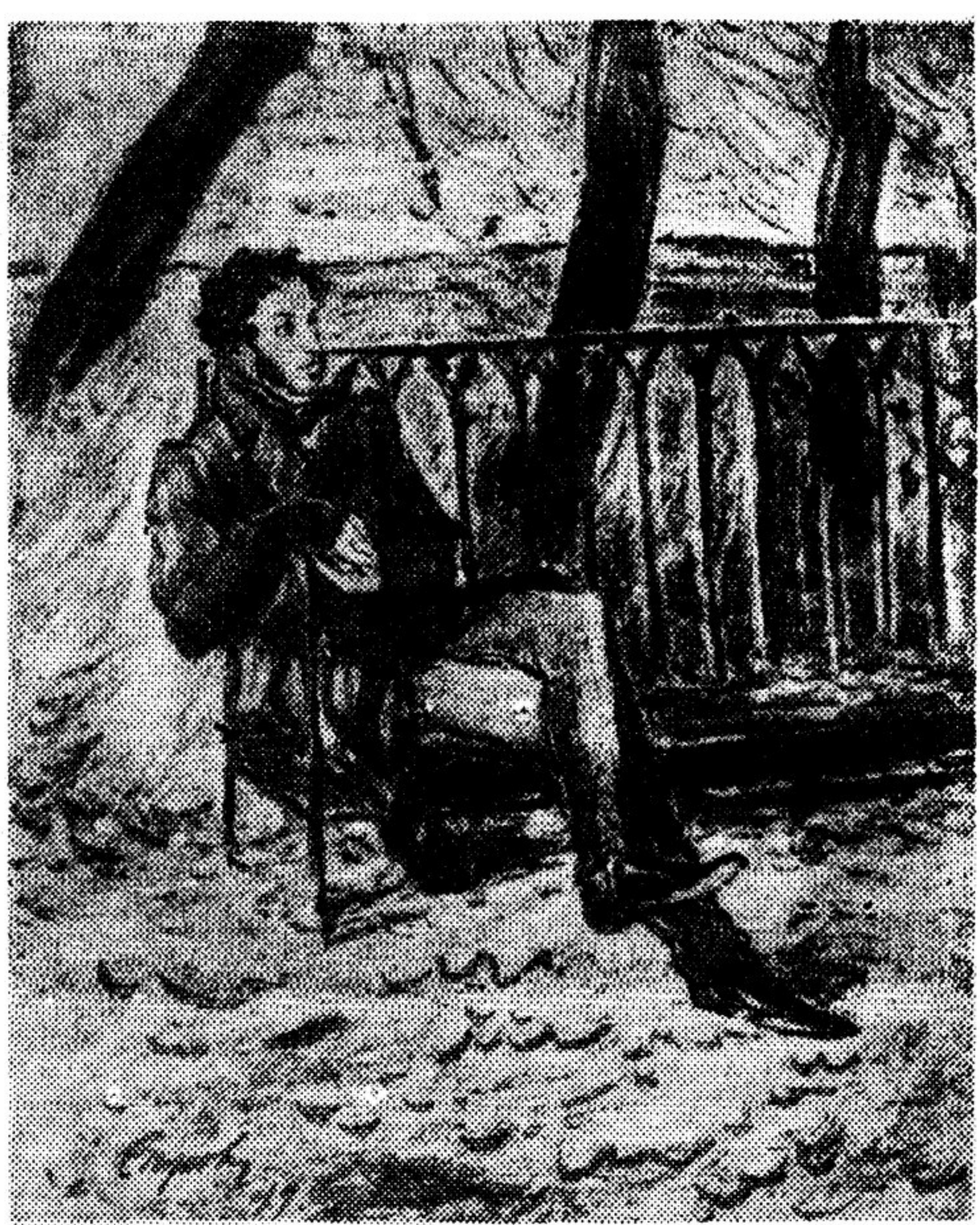
Однажды, задержав таким образом Пушкина, изустит его спросил:

— А наш поэт, скоро ли опять пожелает?

Александр победил. Дядюшка Василий Львович после открытия лица с ним не выдался. Изустит говорил не о нем, а о Сергее Львовиче. Он прозвал его сейчас поэтом, как месяц назвал отца Мисоелова — брамарбом.

Александр поостроил на Писецкого, и позари его задрожали. Лишь его вздох пожелало и стало безобразно. Ни слова не сказал, он скрипнул зубами, повернулся на ладбачках и пошел прочь.

— Ого, — сказал ему велел Писецкий.

«Пушкин». С. Александров. Худ. В. Серов

ПУШКИНСКИЕ ВЕЧЕРА В ИФЛИ

В коридоре четвертого этажа Московского института истории философии и литературы (ИФЛИ) висит стенгазета. В центре ее — большой фигурный портрет А. С. Пушкина. Значительная часть материала в газете также посвящена великому поэту. ИФЛИ готовится к столетию со дня гибели Пушкина.

Создана пушкинская комиссия под председательством директора ИФЛИ т. А. П. Карпова. В составе комиссии — декан литературного факультета профессор А. М. Еролин, зам. декана факультета литературы М. А. Паутова, заместитель директора ИФЛИ т. С. М. Лесник, т. Жуков (секретарь парткома), Крайниченко (профком) и Велики (литкабинет).

— Наши мероприятия, — сообщил сотруднику «Литгазеты» т. А. М. Еролин, — имеют в виду научно-исследовательскую работу по творчеству Пушкина и популяризацию произведений великого поэта среди студентов и на предприятиях Сокольнического района.

Будет издан большой пушкинский сборник, выпускаемый Гослитиздатом. Работы, включаемые в сборник, будут прочитаны на пушкинских сессиях ИФЛИ, открытые которой называю на конец ноября.

Популяризаторская работа пушкинской комиссии выразится в ряде лекций и докладов на пушкинские темы. Профессора, аспиранты и студенты ИФЛИ выступят на партактивах Москвы и Московской области и на крупнейших предприятиях столицы. Масовая работа ИФЛИ будет сосредоточена главным образом на работе «Красный Солнечар», где профессора и аспиранты института прочтут восемь лекций о жизни и творчестве Пушкина.

Институт готовит большую выставку, посвященную жизни и творчеству Пушкина, и специальную многодневку.

ТРИДЦАТЬ ПУШКИНСКИХ ВЕЧЕРОВ

25.000 москвичей примут участие в пушкинских вечерах, проводимых клубом Московского Государственного университета.

Лекционный сектор университета включил в программу вечеров и лекции о великом поэте специальный цикл «Жизнь и творчество А. С. Пушкина», который прослушают свыше пяти тысяч человек. Лекция будет читать проф. М. А. Павловский, проф. Н. И. Бродский, проф. Д. Л. Брагер и другие видные пушкинисты. Все лекции художественно иллюстрируются лучшими артистическими силами.

ПУШКИН И РУССКИЙ РОМАНТИЗМ

Издательство Академии наук СССР выпускает к пушкинским дням исследовательскую работу Б. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм». Работа объединяет несколько очерков, основанных на тщательном изучении произведений Пушкина (по рукописным первоисточникам, часто впервые вводимым в научный оборот) и на разборе печатных и архивных материалов о русской литературе и общественности 10—20-х годов прошлого века. В первой главе дается критический обзор «литературы предмета», вторая отдала выяснению отношения Пушкина к литературно-политической борьбе прогрессивных романтиков; третья дает анализ литературного фона и творческих процессов произведений Пушкина, а четвертая устанавливает отношение Пушкина к русскому романтизму.

Шесть вечеров Владимира Яхонтова, посвященных Пушкину, также посетят не меньше пяти тысяч человек. Кроме того состоятся пушкинские вечера чтецов О. Каминки, Шварца, Журавлева, Винокуровой, Гаурауной, Шумской и др.

В общелитературном цикле лекций «Русская классическая литература» А. С. Пушкин будет посвящено два вечера. Всего, таким образом, предполагается провести около 30 пушкинских вечеров.

В феврале 1937 г. в клубе МГУ состоится торжественный вечер памяти великого поэта.

ИСКАЖЕННАЯ ИСТОРИЯ

В связи с ростом театральных учебных заведений перел советской театральной наукой встал вопрос о необходимости создания ряда учебных пособий по той или иной театральной дисциплине.

Одно из таких учебных пособий — появившаяся недавно книга Всеволода-Гернгросса «Краткий курс истории русского театра», в которой история русского театра — как приложени к ней, «Хрестоматия по истории русского театра».

Вызывает большое негодование непростительное непонимание автора «Краткого курса» значения и роли Пушкина в истории русской драматургии и театра.

Но если Пушкин — несомненная вершина в нашей русской литературе и мимо него пройти нельзя, то с Плавильниковым автор справляется самым беспереборным образом. Такой подход характерен для дореволюционной историко-театральной теории, утверждавшей, что история национального русского театра и драматургии начинается с Грибоедова и Гоголя. Тем самым из истории развития русского национального театра совершенно вычеркивается театральная культура XVIII века. На каком основании?

История русского театра XVIII века рассматривается главным образом как рабское подражание западному театру, как «история подражаний», по существу, как история немецкого, французского, итальянского театров на русской почве. В действительности же история русского театра XVIII века, начиная уже с Феофана Прокоповича, проходит под знаком упорной борьбы за самостоятельность, за освобождение от иностранной зависимости. Наряду с Фоминским в этой борьбе большое участие приняли Дунин и Плавильников. Неодолевать их значения нельзя.

Откуда, однако, эта порочная точка зрения? Корни ее лежат в традиции, считавшей, что если западный народный театр в лице своих «скоморохов» — шипильманов, гистрионов, жонглеров и т. д. сыграл значительную роль в развитии западноевропейского театра, то русский народный театр, не успев родиться, утас и никакого значения в истории русского театра не имеет. Это высокомерие и барское отношение к народной театральной культуре привело к тому, что русский театр рассматривается оторвано, изолированно от нее, только в связи с идеологическими устремлениями правящих классов. Этой же точки зрения придерживается автор рецензируемой книги. По Всеволоду-Гернгроссу, народный театр на русский профессиональный не влиял, а сам подвергся влиянию итальянского. По крайней мере небольшое количество фактов говорит о том, что именно во времена жаровных народных спонков в некоторые виды церковного богослужения вразлагли литературную драму (несколько о ней может идти речь в истории русского театра), привнесли ей более светский характер. Именно скоморошеские сценки, интересные оподобившись школьный театр, привнеси в него реалистические и демократические черты. Именно на традиции этого школьного театра из купцов, ремесленников и рабочих организовался в Ярославле так называемый театр Волкова. Автор же считает, что русский театр зародился в стенах питейного кордона, а историческое учебное заведение.

Наконец, никак не спрещаясь святыства Пушкина (1797—1798), автор в письме к приятелю пишет: «О сем повороте может быть ты и не слышал, живучи в стране, о театре ни мало не печущийся (подчеркнуто нами. — М. Л.), и я сорешал бы перед тобою, не увеличил тебя о том, что сведения всякого человека, пользую общественную любознательность, достоин. Со второго дня Святые Пасхи отъярлся сей театр: он селая на пучи стирке за Малой Морской. Наш пиететности народ столь великую жалость к нему показал, что оставя другие свои забавы, из которых иные деваются не весьма забавны, ежедневно на оное зрелище собирався.

Выходы автора «Краткого курса» не только антагоничны. Они оказываются между собой услугу советскому театру. Русский театр XIX века, вытас в себя и творчески переработав вышние достижения театра Запада, развивавшаяся в первые годы мировой театральной культуры. Преобразительное отношение русского театра XIX века на практике приводило к тому, что ряд советских театров в борьбе за свой творческий рост, вместо того чтобы продолжать, критически осмысливать, великие реалистические традиции русского театра XIX века, подпадал под влияние всяких модных театральных «знамен» Запада.

Играют тут охотники, на равных мест собираемые, и между ними — вытас, есть довольно способностей, думается, а склонности чрезмерную. Сия народная поэма может произвести у нас не только артиста, но во временах и писцов (драматургов. — М. Л.), которые сперва, хотя и неудачны будут, в искусстве исправятся. Словом, я искренне тебя уверяю, что сие для народа упреждение весьма полезно и истому великия похвалы достоинство.

Итак, народный театр не утас, не залож и, несмотря на труднейшие для развития социальные условия, развивавшийся о стране, ко театре ни мало не печущийся. Именно этим объясняется, что столь красноречивые факты нашли свое отражение в «частном письме и обобщены официально-ма театральными документами того времени. Для нас несомненно, что реформа драматургии, сравнительно неудачно начатая Дуниним и продолженная Плавильниковым, связана с влияниями народного театра.

Приведенные факты говорят о том, что унизать значение народной театральной культуры в истории русского театра нельзя. Но именно народ и есть основной носитель национальной культуры, именно эта культура и питает своими силами лучшие деяния человеческой художественной мысли.

Критика целого ряда ошибок «Краткого курса» затрудняется иногда тем обстоятельством, что эти ошибочные утверждения автора даются безаказательно, без соответствующей аргументации.

Метод автора учебника не выходит за грани вульгарного социологизма. Что стои отсюда такая фраза (глава XVII, стр. 171): «С этого момента (1809 г. — М. Л.) проблема народного театра развивается соответственно ходу развития промышленности (?) и рабочего движения». Связь между народной драмой и промышленностью объясняется автором тем, что буржуазия? Корни ее лежат в традиции, считавшей, что если западный народный театр в лице своих «скоморохов» — шипильманов, гистрионов, жонглеров и т. д. сыграл значительную роль в развитии западноевропейского театра, то русский народный театр, не успев родиться, утас и никакого значения в истории русского театра не имеет. Это высокомерие и барское отношение к народной театральной культуре привело к тому, что русский театр рассматривается оторвано, изолированно от нее, только в связи с идеологическими устремлениями правящих классов. Этой же точки зрения придерживается автор рецензируемой книги. По Всеволоду-Гернгроссу, народный театр на русский профессиональный не влиял, а сам подвергся влиянию итальянского. По крайней мере небольшое количество фактов говорит о том, что именно во времена жаровных народных спонков в некоторые виды церковного богослужения вразлагли литературную драму (несколько о ней может идти речь в истории русского театра), привнесли ей более светский характер. Именно скоморошеские сценки, интересные оподобившись школьный театр, привнеси в него реалистические и демократические черты. Именно на традиции этого школьного театра из купцов, ремесленников и рабочих организовался в Ярославле так называемый театр Волкова. Автор же считает, что русский театр зародился в стенах питейного кордона, а историческое учебное заведение.

Наконец, никак не спрещаясь святыства Пушкина (1797—1798), автор в письме к приятелю пишет: «О сем повороте может быть ты и не слышал, живучи в стране, о театре ни мало не печущийся (подчеркнуто нами. — М. Л.), и я сорешал бы перед тобою, не увеличил тебя о том, что сведения всякого человека, пользую общественную любознательность, достоин. Со второго дня Святые Пасхи отъярлся сей театр: он селая на пучи стирке за Малой Морской. Наш пиететности народ столь великую жалость к нему показал, что оставя другие свои забавы, из которых иные деваются не весьма забавны, ежедневно на оное зрелище собирався.

Выходы автора «Краткого курса» не только антагоничны. Они оказываются между собой услугу советскому театру. Русский театр XIX века, вытас в себя и творчески переработав вышние достижения театра Запада, развивавшаяся в первые годы мировой театральной культуры. Преобразительное отношение русского театра XIX века на практике приводило к тому, что ряд советских театров в борьбе за свой творческий рост, вместо того чтобы продолжать, критически осмысливать, великие реалистические традиции русского театра XIX века, подпадал под влияние всяких модных театральных «знамен» Запада.

М. ЛЬВОВИЧ

Тема возмездия в творчестве Пушкина

ОБОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 2-ой СТР.

Кругом подножья кумира
Безумец бледный обшел
И взоры дикие навел
На лик державна полуира.
Степняксы грядут его. Чело
И решетке кланной прилетло.
Глаза полдеруны туманом.
По сердцу пламень пробоял,
Вскинула кровь; он мрачен стал
Пред горделивым иступаном.
И, аубы стиснув, пальцы сжал,
Как обжигав силой черной.
«Добро, строитель чудотворный!»
— Шепнул он, алоно задрожав,
— Ужо тебе!..

На бедного Евгения за его бунт,
за его стремление к независимости
неофициально счастье с неугодным
возмездием установленного порядка
вещи:

...Но вступ стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что трюмою царя,
Митовенно в гневом восторе,
Или тихою обрамностью...
И он по плочам пустой
Бежит и слышит за собой
Как будто грома грохотание,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, оарен дуною бедной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Великий Медный
На авонко скачущим коне...
И во всю ночь безумец бледный
Куда стонет или обращал,
За ним повсюду Великий Медный
С тяжелым тоном скажал...
Столькование частного независимого
порядка окончилось гибелью Евгения.
Евгений умер на равнинах томца,
где обитала его мечта, его Параша:
У порога

Нашла безумца моего,
И тут же кланый труп его
Покорники ради бога.

К теме возмездия Пушкин возвращался неоднократно. Дон Гуан считался, он готов петь, он рад обаять весь мир, но счастье его находится в противоречии с обществу.

новленной моралью. За славный миг свидания он готов не только отдать свое жизнь, но и расплатиться священными первыми и общим мнением закона. Дон Гуан сознательно и преднамеренно противопоставляет свой ход жизни тому, что общепринято; он демонстративно приглашает старту убийного командора стать на часах во время его свидания с злой волей, с донной Анной. Старту приходит, и, восстанавливая нарушенную норму нравственного закона, осуществляет акт возмездия над Дон Гуаном:

...О, тяжело
Пожать каменной его десницы!
Оставь меня, пусть, пусть мне
руки
(Прощайтесь).

Я гибну, конечно, — о донна Анна!
(Прощайтесь).

Среди участников «Пира во время чумы» живет «сознание беззакония своего». Пирующие во время чумы — отщепенцы. В нарушенные общепринятой морали, общепринятой в образе священных, они в час гибели думают не о спасении души, а своеобразно в диком разгуле пытаются обмануть ужас смерти. Однако их вселивое отравлено сознанием гибели и незабоего по их представлению забоего возмездия.

Противоречие между правом на независимый ход личной жизни и общепринятой моралью и силой существующих обстоятельств носит для Пушкина трагический характер, потому что в его сознании обе стороны противоречия правы. Правы нарушившие перед лицом чумы — но прав и священные. Прав Дон Гуан; он обрисован не как отрицательный тип, в его уговорач, обращенных к донне Анне, звучит все-таки отдаленное стхотворение: «К молодой вдове» написанным Пушкиным в юности.

Спит упреждающий счастьем;
Верь любви — невнятные млы.
Нет, разгневаный репьявец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью по не гранет,

И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая славный день.
Но прав и командор, карающий
Дон Гуана.

Евгений из «Медного Всадника» обрисован с любовью и с сочувствием. Автор жалеет его — и признает правоту его притязаний. Но прав и Медный Всадник, воплощающий историческую необходимость и непоколебимую силу воли самодержавия. В русской литературе ни один монарх не удавался такого апофеоза, как Петр Великий в «Медном Всаднике». Медный Всадник грандиозен, величествен, деяния его огромны и благородны. И в то же время он — Петру Великий — Медный Всадник, воспитанный Пушкиным, пробуждает как умная, как роковая и немощливая сила. Пушкин употребляет по отношению к нему слова «кумир», «истукан», слова, подчеркивающие бессловесность его гигантской титанической силы. Недаром термины эти не понравились Николаю I, именовшему непохоже классово чужие.

Согласно замыслу Фальконега памятник Петру Великому изображает основателя империи, благословляющим свою страну и свой народ. Но не эту аллегорию увидел Пушкин в знаменитой статуе:

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая сила в нем охватил!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты коня?
О, молнией вылетели сульбы!
Не так ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию подымаи на дыбы!

Медный Всадник уничтожил Евгения, — но еще неизвестно, в каком результате приведет в будущем это столкновение России. Евгений все же так ничтожен, как это может показаться с первого взгляда. Медный Всадник выжуждел считаться с ним, выжуждел вступить с ним в едино-

борство, — а это значит, что, если историческая необходимость в данный момент на стороне Медного Всадника, то Евгений в своем бунте также прав. Евгений носит в себе черты идеала самого Пушкина. И востание Евгения не оправдано наличием сил на его стороне, оно при данных исторических условиях безумство — и вот возмездие. «Медный Всадник» — не аллегория. Это гениальнейшее произведение Пушкина не является зашифрованным отщеплением описанием какого-нибудь определенного исторического события, всесторонний анализ, который не оставляет Евгения не высокозачетный, а прямой смысл. Пушкин тщательно позаботился о том, чтобы сверхидеальный образ Евгения не превратился в идеальную грандиозность сюжета, получила бы не аллегорическую, а строгую реалистическую мотивировку. Стор Евгения с истуканом, паническое бегство его от медного грохота поноги вполне естественно объясняется бредом безумца. В то же время бедность Евгения не «приме», искусственно равнорешающий задачу. Гениальность не нуждается в формальных выдумках литературщины. В совершеннейших произведениях искусства все средства естественным образом являются экономны, строго подчинены плану целого. Евгений безумец не для того, чтобы Пушкин мог объяснить великодушный и легендарный галоп бронзового кумира по улицам основной им столицы. Евгений безумец потому, что не безумец не посмел бы вступить в единоборство с исполнителем, гордо и властно возвышающимся над уровнем обыкновенного человеческого роста. Конкретный характер столкновения безумного героя с Медным Всадником, как он дан в поэме, с принудительной неизбежностью, естественно, реалистически вытекает из замысла поэта, из противопоставления двух совершенно несоизмеримых по силе, но равно правых сторон.

Извест «Медного Всадника» вытекает из эстетических и творческих взглядов Пушкина на судьбу преступников, гуманного личного начала, осмысленного, несмотря на свою слабость, поднятия против всевышней власти существующего. Радичев осужден Пушкиным, но и оправдан. Радичев «самоствержен», и «рыпаческие совести», он гуманен, человек, самостоятелен, но бесценен — правительственные и законы суровы, беспощадны, у них — медное сердце, их нельзя

проткнуть правдыю к человечности, как нельзя вышибить слезу из глаз металлического истукана — но они всевышны — возмездие обрушится на правую голову Радичева — полагает Пушкин — с неизбежностью и справедливостью исторической необходимости. «Если мысленно переисемя мы к 1791 году, — рассуждает Пушкин о Радичеве, — если вспомним тогдашние политические обстоятельства, если представим себе силу нашего правительства, наши законы, не изменившиеся со времени Петра I, если вспомним, что в то время еще не существовало двенадцатипятилетнее царствование Александра, самодержца, уменьшего уважать человечество; если подумаем, какие суровые люди окружали еще престол Екатерины, то преступление Радичева покажется нам действием сумасшедшего. Медный чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры, дерзает возмущаться против общего порядка, против самодержавия, против Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовиться к изгнанию, или самоубийству, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на беззаконность. Но Радичев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха, — а какого успеха может он ожидать? — он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радичева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а «Путешествие в Москву» весьма поощредственным выносом; но со всем тем не можем в нем не признавать преступника с духом необыкновенным; политическое фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарской совестью».

Разве не так же скармливалось Пушкиным безумство декабристов, в их столкновении с совокунными силами самодержавного режима?

Провоспешный разум Пушкина с гениальной безошибочностью проник в подлинный трагический конфликт его времени. Трагический конфликт Пушкина носит строго классический характер. К нему вполне применимо следующее определение Плетанова, опирающегося на понимание трагического Беткинским и Гегелем:

«Исторические даждеже нередко

представляет нам зрелище враждебного столкновения двух правых принципов. Одно право есть божественное право существующего общественного порядка, установившихся нравственных отношений; другое — есть столь же божественное право самозащиты, науки, субъективной свободы. Их столкновение есть трагедия в полном смысле этого слова — трагедия, в которой есть потабливание, но нет виноватых, каждая сторона права по своему» (Плетанов, том X, стр. 210).

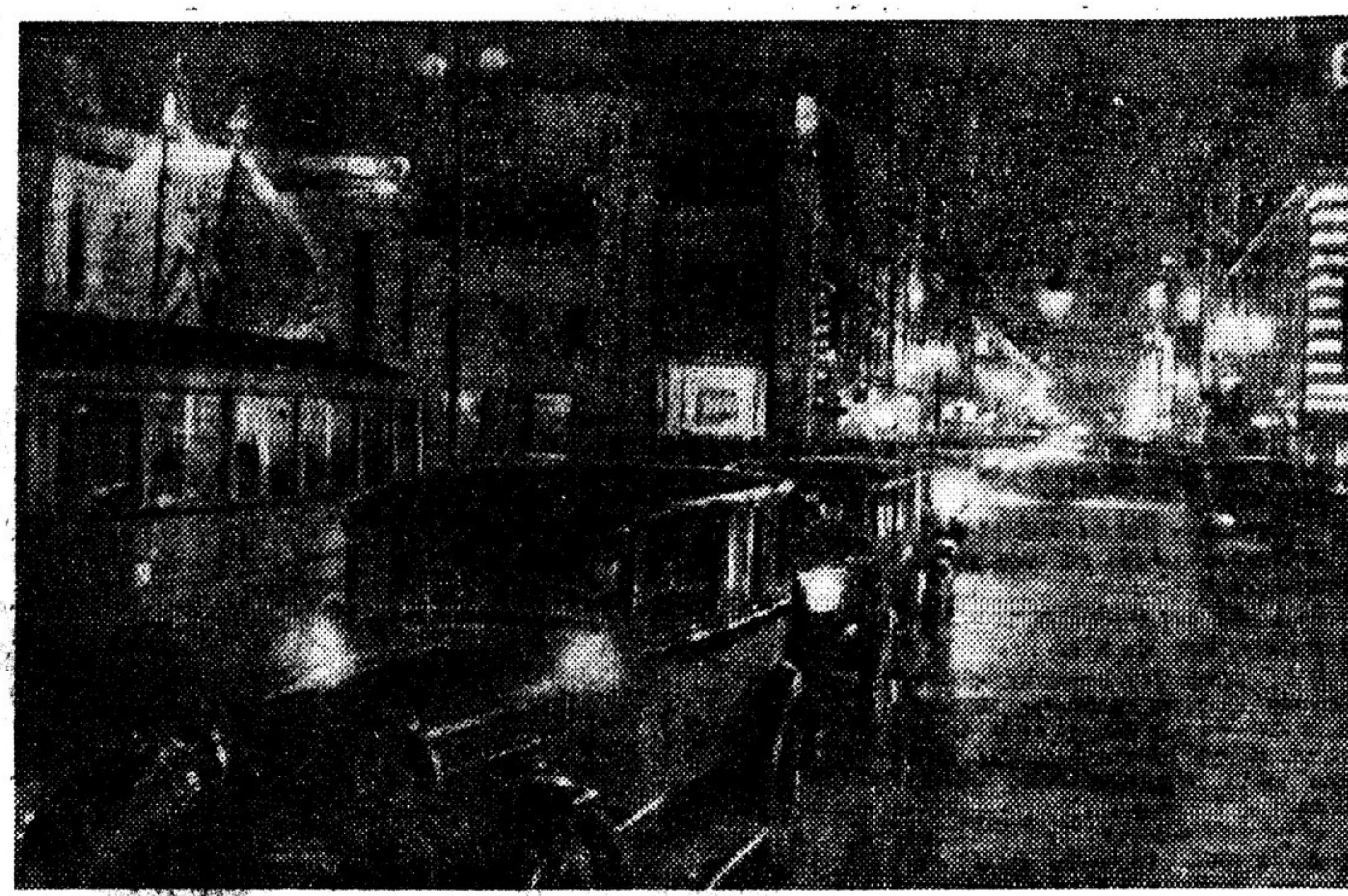
Трагедия требует искупительных

Книжки

Пафос и расстояние

Советская поэзия идет к реальному равновесию. Почувствуется путь по...

Табак, какао, глина, кашуч. (Хилькия дит. Тома). Насколько это лучше, более ранних...

Празднование XIX годовщины Великой пролетарской революции. Москва ночью в праздничном оформлении. На снимке: Пушкинская площадь.

Кольцов в Испании

К. ЗЕЛИНСКИЙ

В то время как все мы здесь лихорадочно выглядываем в далекую Испанию, Михаил Кольцов видит там...

В широкой бурке мчит по холмам, и холмы походят на адепты, арагонские черные береты жадно следят...

стальную пролетарскую дисциплину. В создании новой дисциплины, военной и трудовой, он видел ключ к...

Книжки

Бернс в новом переводе

Последнее издание стихов Бернса обозначает новый этап в нашем знакомстве с творчеством великого шотландского поэта...

У читателя закономерно возникает вопрос: почему непременно все стихи Бернса должны переводиться одним автором...

В советской поэзии интерес к Бернсу возродил Эдуард Багрицкий («Беседа нищие», «Джон Ячменное зерно»).

Книга оформлена с большой тщательностью. Заметим, что редакторам следовало использовать известный гравированный портрет Бернса...

В кругу шаблонов

Художественный сборник, выпущенный Днепровской организацией...

пропустить в «Июньской песне» Шектера строки: «Иду вокруг Украины, — на диво богат урожай...

М. РУДЕРМАН

Ненужное переиздание

Тема бегства в иллюзорный мир от реальной жизни не раз использована в дореволюционной литературе.

«серого костюма». Вель никаких признаков «сенсационности» нельзя обнаружить ни в характере, ни в поступках парижанина...

Мария

Савва ГОЛОВАНОВСКИЙ

Дали золотые / У любви в плену, / Партизан Марию / Оставляя одну.

Кольцов в Испании

В то время как все мы здесь лихорадочно выглядываем в далекую Испанию, Михаил Кольцов видит там...

М. РУДЕРМАН

Дали золотые / У любви в плену, / Партизан Марию / Оставляя одну.

Ненужное переиздание

Тема бегства в иллюзорный мир от реальной жизни не раз использована в дореволюционной литературе.

Красноармеец

Поле маляр в большой долине, / Над ним аэвент копьем бой, / И стоны крыльев журавлиных / В огромной бедре голубой.

Перед премьерой «Флорисдорфа»

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

15 лет назад — 13 ноября 1921 г. — в наснем переделанном на барского особняка помещении открылась театральная студия, которая впоследствии стала называться театром им. Евг. Вахтангова. Перед зрителем встал, рассчитанным на 230 человек, в первый раз спектакль «Чудо святого Антония» Метерлинка, поставленный Е. В. Вахтанговым. Этого молодого режиссера уже знали по его работам в студии МХАТ, по «Потопу», «Празднику мира» и другим постановкам. Знали его как верного энтузиаста и последователя школы К. С. Станиславского. Спектакли, им поставленные, отличались тонкостью и изяществом режиссерского рисунка. Чувства, вложенные в них, умляли и трогали зрителей. «Надо быть добрыми, добрыми людьми, надо любить друг друга» — вот что звучало со сцены и в «Потопе» и в «Празднике мира». Это был театр студийный, интимный, рассчитанный на зрителей, садивших почти вплотную близко к сцене, театр моральной проповеди.

И вот раскрылся занавес «Чуда св. Антония». Казалось бы, что комедия Метерлинка дает благодарную возможность для такого же толкования. Если целиком перенести на сцену лукавую кротость Метерлинка, его состыкованность до отношения к собственным персонажам, как учились бы артисты, как унасли бы себя, как искренно бы вступили в моральное взаимоотношение своих партнеров. Это не произошло. «Чудо св. Антония» оказалось одним из первых спектаклей революционного советского театра. Режиссер отнес кавказские пьесы, от которых автор, от его иронии по адресу «маленьких людей» ничего не осталось в постановке Вахтангова. «Маленькие люди» оказались социально обусловленными. В них каждый мог узнать в лице представителя того класса, чьим идеалом является чистота, текущий счет, важная. Перед артистом прошли фигуры буржуа — такие, какими их увидел революционный художник. Художник внял предмет своей ненависти, анализ истончил. В этом была сила и принципиальная новизна его работы.

Так начал свое существование Вахтанговский театр. Так на его первой, еще очень плохо оборудованной, сце-

на была дан первый наглядный урок классово направленного искусства. С тех пор прошло пятнадцать лет. Е. В. Вахтангов давно уже нет. Коллектив, собранный и объединенный им, рос, укрепился организационно и художественно. У него были сны и победы, праздники и будни. Среди его побед самыми бесспорными были работы над современными, действительными, революционными пьесами. Среди праздников — те дни, когда ученики о Вахтангове вспоминали его учеников на творческую улачу, на частные поиски выразительной прайды. «Виринея» и «Будничье», «Ратом» и «Аристократы» — вот этапы роста Вахтанговского театра.

В день праздничного юбилея 15 ноября, театр показывает «Флорисдорфа», пьесу Фридриха Вольфа о венском рабочем восстании в марте 1934 года. Текст немецкого драматурга переработан для советской сцены. Во Вильнюсе тема говорит сама за себя. Она ясна. Самый факт этого воспоминания должен волновать каждого, кто будет в зрительном зале. Но если поставить воспоминание рядом с мыслью о сегодняшнем Западе, рядом с мыслью о судьбах революционной борьбы в Испании, тогда тема «Флорисдорфа» должна востановить второе дыхание.

Спектакль «Флорисдорф» — это прежде всего рассказ о людях конкретных, отчасти исторически существовавших, отчасти придуманных автором, во всяком случае типичных, живых людей. Вот Шани Гельберг, в прошлом матрос из Каттаро, сейчас — социал-демократ, районный работник с.д. партии, вернувшийся в ее ряды, отчасти, аккуратный человек с почти выстраившимся чувством классовой солидарности. Восстание его преобразует, в нем просыпаются молодость, инстинкт бойца. Вот его жена Мали, старая, положительная, трезвая Мали, так дорожащая уютом предельных возможностей воспитать крепких сыновей. Но и ей становится ясно, что никакого уюта нет, что в Европе никто не будет дожидаться опоздания. Вот Гейнц, начинающий отряд штурмовиков, честный и дисциплинированный боец, по-прежнему руководствуясь своим ЦК и так жестоко обманутый. Вот его подельник Франц и другие штурмовики, молодые парни, полные любви и ненависти, убежденные, что «автра

Вена будет красной», мечтающие вызвать на сорокпятилетнюю Красную армию. Вот пожарный Вейсслер с его планом наступления, с температурой отечливости, с изобретением от мертвой дисциплины, полагаясь на суд, чтобы через головы судей крикнуть о своей правде всему обманутому рабочему классу. Вот представитель социал-демократической верхушки Зауэр, одновременно и презирающий рабочих и завсикающийся перед ними, ловкий демагог, очутившийся в силу объективной исторической необходимости между двух ступней и принужденный удрать за границу. Рабочий, ослепленный яростью, темный инстинкт мести, оказавшийся поэтому среди штурмовиков. Рабочие-обманутые, заранее махнувшие рукой на всякую возможность победы, оказавшиеся поэтому штурмовиками. Пограничный сторож, старый судья, в котором инстинкт просыпается чувство классовой солидарности. Девушка, бросающая слова последней, неиррижимой вражды в лицо дамам-благотворительницам. И эти дамы, хотевшие пачкой ассимиляции заткнуть кричащие рыт. Шпики, использующие священность доверия и священника, «убавивший свой возраст». Таков человеческий мир этого спектакля.

Нетрудно увидеть, что смысл такого спектакля значительно шире, чем историческое воспоминание. На это, конечно, не следует, что театр схематизировал бывший под его руками материал. Наоборот, одной из первых задач режиссера было найти черты правдоподобия и жизнеспособности, приближающие к нам Вену, найти в исполнителях серьезность, легкость темперамента, веселость этого города. Только в условиях конкретного правдоподобия может по-настоящему проявлять обобщающий смысл пьесы.

Если зритель по-настоящему поверит, что именно так была или могла быть Вена 1934 г., так выходящая из рабочих, такие песни они слышат, так вопиюще-серво начали отважное восстание, и его воображение перенесется к сегодняшнему Мадриду, к любой другой застрявшей столице Запады. — тогда этим самым делом театра будет сделано.

Народ хочет читать

Хасинто АРИАС

«Культура Популяр» («Народная культура») — это организация новая, как и все, что возникает у нас в последние времена.

Сейчас старинный дворец, в котором помещается «Культура Популяр», наполнен книгами: книги в залах, в коридорах, в ванных комнатах и на кухне; книги, книги и книги, целые наборы книг, запечатанные живостью и радостью это старое здание.

Работники «Народной культуры» много интересного рассказывают о своей работе.

— Сто двадцать тысяч экземпляров! Из них мы уже роздали около шестидесяти тысяч и организовали триста библиотек.

— Каким образом вы получаете книги?

— По преимуществу нас снабжают издательства. Кроме того, поступают многочисленные частные пожертвования. Вызывают послышки без указания имени отправителя.

«Народная культура» занимается сейчас, главным образом, устройством библиотек. Библиотеки организуются повсюду — в коммуналах, казармах, детских домах, в частях верховой милиции, на фронте.

— А гориллы, которыми командует Эль Рага, что на высотах Деспины-перрос, которые нас уже так хорошо знают? — рассказывают работники «Народной культуры». — Как только увидят наше авто, бегом спускаются с гор, чтобы получить что-нибудь из литературы.

— А председатели комитета по Альфарате? Он был безмерно счастлив в тот день, когда мы оставили библиотеку в его деревне.

В долине Абдалахисе и в Эль-Торре, близ Малаги, бойцы народной милиции, не так как нас отблаготворили за розданные им книги, пролились переманчиваемым маршем перед нашим авто-киском.

— На канонерке «Алапа» мы тоже организовали библиотеку и провели собрание. С каким энтузиазмом встретили нас моряки!

В казармах созданы так называемые «Уголки культуры». Кроме библиотек-читалки с соответствующим подбором книг и журналов, там устраиваются также доклады, беседы, четки, киносеансы — все в тесном сотрудничестве с ассоциацией писателей-антифашистов.

— Во многих больших кинотеат-

рах мы устраивали общинные детские праздники, приглашая детей из нескольких детских домов сразу.

— Но главное внимание — фронту! Книжная работа снабдила фронт специально оборудованными автомобилими, которые раньше использовались для перевозки военной техники. Теперь мы организовали два отряда под названием «Культурная борьба против фашизма». Один из этих отрядов обслуживает (благотворительный фронт); другой — более отдаленные. И ты и фронт одинаково нуждаются в литературе. Поэтому мы стремимся развернуть свою работу и там и здесь.

— Здесь, в Мадриде, мы ежедневно распределяем двадцать шесть тысяч экземпляров газет; кроме этого есть еще семейные журналы.

Тем, кто не умеет читать, на помощь приходит наша добровольная четка, преимущественно женщин.

Давно ли говорили, что мы, испанцы — народ, который ничего не читает?

Да, народ ничего не читал потому, что его ничему не учили, потому что искусственно разрушилась его культура. Теперь все изменилось. «Народная культура» рассказывает не менее тысячи книг ежедневно. Книжки тщательно подбираются, внимательно просматриваются — насколько они пригодны для правильной ориентировки читателей, для его политического воспитания в духе народного фронта. Создают, кроме того, специальные библиотечки по военному делу и военной технике.

— Мы приступаем к созданию нейтральной библиотеки вил, вернее, базы для всех тех местных библиотек, которые мы уже организовали в деревнях и городах. Мы составили каталог, на основе которого можно будет делать нам заказ на любую книгу. Мы хотим создать библиотеки на пяти тысячах избранных книг для каждой провинции и обновить их каждые год.

Многие, что потребовало бы раньше многих лет предварительной работы, оказалось выполненным за последние два месяца! Народ, который воспринимал от векового сна, народ, который ничего не читал, — теперь протягивает руки навстречу моторизованным библиотечкам-читалкам, этим антифасцистским.

— На испанского журнала «Эстампа»

Празднование в Москве XIX годовщины Великой пролетарской революции. Демонстрация на Красной площади. На снимке: бойцы испанской республиканской армии — делегаты героического испанского народа. Фото Каслова (Советфото).

Сержант Руис

О. САВИЧ

На фотографии маленькое поле терится орлами серых суровых камней. Молодой крестьянин велет плуг. За плугом, на ремне — охотничье ружье. Так первые европейские поселенцы, окруженные враждебными племенами, пахали косяго-то в пустынях Америки. Земля не ждал. Если не вспахать эту серую пыль, не будет урожая. Владели вилы горы. Там засели племена иностранного легиона, марокканцы, офицеры, «легкая смерть» и колонна устрашения! Они кричат: «Вперед, Испания!» Крестьянин велет плуг в зарок поглядывая в горы.

Хесус-Фернандо Руис родился в поле. Земля здесь никогда не принадлежала тем, кто пахал. Ватраки работали от зари до зари. Республика принесла первое обещание: батраки стали работать от восхода до захода солнца — на час меньше. Они ели каждый день «кросидо» — похлебку из воды с горохом, и пили мутное и кислое вино. Они жили в городах, которые почему-то еще назывались деревнями. Повсюду зарплата они отдавали за квартиру, и ночью, до рассвета, шли к месту своей работы. Иногда за пять, иногда за десять километров.

Хесус-Фернандо Руис не умел читать, но работать он начал мальчиком, несколько лет назад. Отец сказал ему: «Ты счастливый, ты начинаешь жизнь вместе с республикой, республика даст тебе землю». Республика долго не давала Руису земли. Между королем и Доном Александром Леруссом равнища была незаметна, а Дон Хиль Роблес ездил в сапогах и в шляпе короля. Это хорошо понимали астурийские горняки, когда иностранный легион ворвался в Онеда. Это поняли и Руисы: батрушка «кросидо» не стала жирнее. Военные обманутых надежд окривели страну. Люди вместе пошли к избирательным урам. Люди вместе пошли брать землю. Руисы получили маленький кусочек земли, сухой, истонченной, по своей. Тогда те, кому земля принадлежала раньше, пошли войной на свой народ.

Хесус взял старую охотничью винтовку, единственное богатство своего отца, и пошел в город. Его спросили, к какой партии он принадлежит. Он ответил: «К той, что за свободу и за землю». Тогда его спросили, что он умеет делать. Он ответил: «Умереть, я сумею не хуже других». Его спросили о возрасте. «Отец сказал: «Я начал жизнь вместе с республикой. Но я не хочу, чтобы она перешла к тебе». Он записали в отряд комсомольца и отправили на фронт.

У них было по ружью на троих и самодельные гранаты. Истертые полотнояные туфли скользили по горным камням. Стрелять они учились по живым мишеням, тактику они проходили на опыте. Их поливали свинцом пулеметы, их громили дальние орудия. Иностранцы легионеры шел в атаку, как на парад. Марокканцы в зубах держали ножи. Размазавший колдун бежал за ними и кричал арабские ругательства. Итальянские и немецкие были разбиты и пулеметами. Они спускались так низко, что видел был оскал прерывистой улыбки. Иногда отряд оставался восточнее: «сдаваться, марксистская сволочь, иначе мы вырежем и ваши семьи!» Попы, скинув ружья, расстреливали пленных. Генерал Льяне с побойным смехом кричал в радио: «Ваши сестры ждут моих красавцев-легенеров!»

Отряд редет. Начальник сказал: «Нам нужен пулемет». Комсомольцы ответили: «Хорошо».

Их было десять человек. Ночью они крались по горам. Они познли,

СТЕНГАЗЕТА В ИСПАНИИ

У нас появились теперь «стенные газеты».

В районном комитете квартала Чамбери вывешена одна из таких газет, выходящих тиражом в один экземпляр, — новый вид периодики, рожденный нашим новым революционным бытом. Другие районы тоже издают свои «стенные газеты».

Одной из самых интересных является «Ринкон рохо» («Красный уголок»). Вы можете увидеть ее в вестибюле бывшего театра Фонтальба, где ныне помещается Народный театр.

Недавно мы посетили редакцию этой стенгазеты. Журналисты, рабочие и только что вернувшиеся с фронта бойцы народной милиции занимались рисованием заголовков, вышито и каткиатур для очередного номера «Ринкон рохо». Софиа Кастро, женщина-боец народной милиции, в годубом «мои» (форма народной милиции) с энтузиазмом помогала им в их работе.

— Эта газета, — сообщает нам Софиа Кастро, — орган комитета Народного театра. Наш комитет родился на улице. То было наше первое собрание в самом разгаре революционных событий. Сейчас наша стенгазета должна быть прежде всего оружием борьбы против фашистов, а после победы она целиком будет посвящена нашему театру.

Она извещает меня с художниками Рабоса Вильянуэва, Балдадо, Диего Терсера. В стенгазете, вышедшей в вестибюле, есть работы, принадлежавшие этим товарищам: портрет Максима Горького, сделанный ка-

риданом; художественно выписанные буквы в заголовках антифашистских стихов, заставки, рисунки и обильные большие красными буквами о выходе следующего номера октябрьского востания 1934 г.

— Стенгазета, — говорит мне одна из сотрудниц «Ринкон рохо», — это русское изобретение.

— В Советском Союзе стенгазета в конце концов стала самостоятельным органом печати каждого неха, каждой фабрики. Каждый рабочий высказывает в ней свои мысли, вносит предложения производственного характера. В таком же духе мы задумали и нашу «Ринкон рохо». Это будет народная театральная газета.

За редакторским столом, украшенном двумя обоями — Ленин и Шевский — кишет работа.

Женщины-антифашистки тоже выписали до последнего времени свою стенгазету. Теперь они печатают ее в типографии.

В других районах стенгазеты выписывают пока преимущественно комсомольцами. В одной из них была помещена песенка «Звезды и фонари».

Мадрид, оштенный радио, Под коммунистическим небом, Покрытый звездами и прокламациями, Шлимы, что он борется...

Транспирует всему миру.

Познания вообще пользуются большим вниманием среди сотрудников стенгазет.

— Е. Ф.

Из испанского журнала «Эстампа»

Празднование XIX годовщины Великой пролетарской революции. Москва ночью в праздничном оформлении. На снимке: Мясная площадь. Фото Величкинина (Советфото).

„Челюскинана“

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Часть II, глава 3

(Один из участников экспедиции, вил в кафе «Москва», читает биографию Амундсена.)

«Фигура Амундсена! Монумент на туму — Гейнц и капитанам. К началу века в орелас лент Чуть сербистан и немного лысым.

Открыл северно-западный проход По линии Гренландия—Аляска. Он говорил, что это лишь завязка. Что это лишь малейший поход. В истории заняв чудушгий поход. Где рядом величайший Норденшельд, Крутить бы ему желтый голубь-могодь.

Курить бы трубку и солить бы сольды, Да в пахущем брунозюко коттеджа, Построенном по телу корабля, Стега густиль о юности ушедшей, Перед камнем сердце пепелья. Откладывая книгу. В кафе «Москва» —

Полно антропостас. Вот этого длинного И где-то видел: вляча-точка Рыжкие бровья... Пот резиновый... Ах, да это Силкоус—капитан с «Альциона»!

Мы завтракали как-то на пушном аунуне.

«...Но Амундсен еще не начал жить! Склонив над картой облик соколиный, мерзлотный, Он думает: какой же из линии Ледовый дрейф ожево полдос проилстрия?

Вот здесь прехлетье простратил Насеня, А он владеет не менее оеми. Но надо ж откупиться от семьи, Найти фрегат, людей. Нужны финансы.

И Амундсен банкиров теревит И шлет летицию в норвежский стортинг: —«Вопрос идет не о поллярном спорте; Исследование Арктики — мой быт. И я прошу в научных интересах, И требую — вы слышите? — помочь!»

Вот может, мой язык немного ремок. (Один из участников экспедиции, вил в кафе «Москва», читает биографию Амундсена.)

«Фигура Амундсена! Монумент на туму — Гейнц и капитанам. К началу века в орелас лент Чуть сербистан и немного лысым.

Открыл северно-западный проход По линии Гренландия—Аляска. Он говорил, что это лишь завязка. Что это лишь малейший поход. В истории заняв чудушгий поход. Где рядом величайший Норденшельд, Крутить бы ему желтый голубь-могодь.

Курить бы трубку и солить бы сольды, Да в пахущем брунозюко коттеджа, Построенном по телу корабля, Стега густиль о юности ушедшей, Перед камнем сердце пепелья. Откладывая книгу. В кафе «Москва» —

Полно антропостас. Вот этого длинного И где-то видел: вляча-точка Рыжкие бровья... Пот резиновый... Ах, да это Силкоус—капитан с «Альциона»!

Мы завтракали как-то на пушном аунуне.

«...Но Амундсен еще не начал жить! Склонив над картой облик соколиный, мерзлотный, Он думает: какой же из линии Ледовый дрейф ожево полдос проилстрия?

Вот здесь прехлетье простратил Насеня, А он владеет не менее оеми. Но надо ж откупиться от семьи, Найти фрегат, людей. Нужны финансы.

И Амундсен банкиров теревит И шлет летицию в норвежский стортинг: —«Вопрос идет не о поллярном спорте; Исследование Арктики — мой быт. И я прошу в научных интересах, И требую — вы слышите? — помочь!»

И чуть-ли не почувлось порежкам, Что Амундсен их просто обманул. И так сильна ревнивая поточка, Иммервистический продукт?

«Там — на Аляске Живет мой «об»...»

«Что и математическая точка У хищников захватывала дух? Там пенится в пляске Прибой, при-бой».

Стихательства дремучее томление, Захватившего бочья проль, Сведенные в национальный гений, Дразнили стариков и молодежь. Когда же в довершение несчастья Ипронес по свету телеграфный код. Что набравает кардовые части На Южный полюс англичанин Селот?

Тогда едва перенесла удар свой. Завлакая волнами страна — Вель полосу это орди госмарства. И вот Норвегия отстранена. — Что? Да-да, место «об».

М. Простите не — ваял часам. Должно быть час. Или около.

«... А сплетни становились яныкаей. Со всех сторон тшуча холотком. Хоть Амундсен отдался на закате. Но горю не махал ему платком. И вдобавок, такие чуждо, флаги И вымпелы лелу белого белеи — Поллярный ботик, выгорая лаги, Пошел алдеи сонных кораблей. Прислушиваясь шерные крыл. Сбиралась ихупы неволи

Обаянный ветичем броносец Над бухтою мечтательно курил: Влезул маяк на северной косе: Ухлял дуул, фабрики и домны... И моря шар воее и косей И небо ошалое ормореи? В окоя ударила желтая мышица — Парседо отлетает со оеиом гравейф.

Сейчас будет падать... Селоты, смышны! Неужели вот так весь день? Хоты бы четыре часа. Или шесть... — «На треньбы веи».

«Есть».

«... Что ожилет их вдали, Завлекая бургой и тумами? Какие образы, какой земли, Какой обитая туманы? Все мяте и синие материк; Уж он почти полизолов, как лымта, И улетунылся, оставя штрих

Угадываемой невдлжимой... Захлопнул книгу!!! Падаю вниз! Рвота — черной желчью. Зверев лезит абсолютно молча. Я впервые понял, что значит — «Есть».

Шатаюсь, вылез в кают-компанию. Пошел в дверь — попал в буфет. (Но! Словобой!) Без паники. Надо отвечать. Стих. Фет. Я читал Фета. Громко читал. И в страшном рыцарии сердце считал.

«Оеми». Ррр... Оеиается Га... Наш бедный сал... Мени было к вышней бросает, Но вдруг учало влетая в зал. «Кифе!» — кто-то сказал. И я увидел безформную тел... Стена у стены параболу строит... Хрипый рокль вдалю много летел. Покойный на гасущий астероид! Но все это бред! Бред!! И я Над джазом франки галочей стей... Арктика — там! А здесь — кафе. Все найду. И снова читаю: «... Все мяте и синие материк, Уж он почти полизолов, как лымта, И улетунылся, оставя штрих

И улетунылся, оставя штрих Угадываемой невдлжимой... Но только слылся с горизонтом берей.

Как Амундсен — нежеланно, вдруг — В чудовищных вышюсы

Решительно возвратил на ю! Его наука призывала ввысь Для полнота по дрейфовым работам.

Но наши овации и свист Нежи на битву с капитаном Скоттом.

И Амундсен, улетишь на кровать, Писал письмо своим друзьям о кифе: «Безумии! чтобы ити на СЕВЕР, я долгон ЮЖНЫЙ полюс откравать!»

но так споевы наши лилипуты — приходится из флага дельте шлейф; иначе ведь не выплываешь вьюты на безжущий в моих мечтаниях дрейф.

и в точку сатанискую уляпся, а чувствую, что скоева каждый палац что жизнь моя — лишь черныи черновики».

Так был открыт когда-то Южный полюс.

И так работал этот человек.

приблизился к земле. В лунном свете они увидели вражеский пост. Лунный луч скользнул по пулемету. Между ними и часовым лежали несколько шагов и смерть Руиса прощелат: «Всем незначим умирать. Вы броситесь на них, когда я крикну «суче»».

Он прополз за синой часового. Он своим телом вынул из пулемета и накрыл его. Выстрелы и крик «суче» слились в одно. Товарищи Руиса прибежали через полемиуты. Враги не смогли оторвать Руиса от пулемета. В рукопашную олоели комсомольцы. Маленький отряд разделился: половина понесла пулемет, половина понесла Руиса. Он выжил. Товарищи сами прозвали его в сержанта. Отряд отступил в Балдоко. Они прошли мимо родных мест Руиса. Отец сержанта уступил сыну плуг. Земля не ждала. Сержант взошел ея и пошел вслед за оеими.

Каждый дом Балдоко стал крепостью. Дорога в Португалию была еще открыта. Пять километров, и человек в тюрьме, но не на войне. Ни один не ушел. Пушки громили старые стены, крыши проламывались от вражеских бомб. Из-под завали черные руки шахтеров шпырляли консервные коробки, начиненные динамитом. Победить их могла только смерть.

И пыльные легионеры пошли в последнюю атаку. Они не знали, что сержант Руис уже научился стрелять из пулемета. Он многому научился и еще больше понял. Легионеры не знали также, что тонор в его руках страшнее штыря. Руис авто знал, что для него все кончено. Он знал теперь, что не переживет республику. Но он хотел пережить много ее в своих огах. Полювну «балтеры» он оскосил пулеметом. На оставшихся он кинулся с топором. И легионеры отступили.

Тогда в город вехали танки. Они прошли по улицам, стреляя в окна, взрывая баррикады. Топча трупы. Руис отступил из дома в дом, врывая стены. Он зашпалл каждый перекресток. Он стрелял не-за каждого камня. Но наконец защищать стало нечего.

Легионеры схватили Руиса. Они не сразу убили его. Они знали, что сержант Руис уже научился стрелять из пулемета. Он многому научился и еще больше понял. Легионеры не знали также, что тонор в его руках страшнее штыря. Руис авто знал, что для него все кончено. Он знал теперь, что не переживет республику. Но он хотел пережить много ее в своих огах. Полювну «балтеры» он оскосил пулеметом. На оставшихся он кинулся с топором. И легионеры отступили.

Тогда в город вехали танки. Они прошли по улицам, стреляя в окна, взрывая баррикады. Топча трупы. Руис отступил из дома в дом, врывая стены. Он зашпалл каждый перекресток. Он стрелял не-за каждого камня. Но наконец защищать стало нечего.

Легионеры схватили Руиса. Они не сразу убили его. Они знали, что сержант Руис уже научился стрелять из пулемета. Он многому научился и еще больше понял. Легионеры не знали также, что тонор в его руках страшнее штыря. Руис авто знал, что для него все кончено. Он знал теперь, что не переживет республику. Но он хотел пережить много ее в своих огах. Полювну «балтеры» он оскосил пулеметом. На оставшихся он кинулся с топором. И легионеры отступили.

«БУДЕМ БИТЬСЯ ДО КОНЦА!»

Фредерик РИКОЛЬ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ «АВАНГАРД»

«Все для фронта!» — вот лозунг каждой организации народного фронта республиканской Испании.

Социалистическая молодежь прилагала все усилия к тому, чтобы обеспечить фронт отчаянными, умелыми и дисциплинированными бойцами.

Каждая воинская часть, участвующая в военных операциях на мадридском фронте, имеет свою базу в Мадриде.

Казакры батальона «Молодая гвардия» объединения социалистической молодежи помещается в здании монастыря, который служил 15 июля оплотом фашистов. Здесь юные добровольцы изучают автоматичну технику боя. Все отличается высокой дисциплиной, так как каждый понимает, что на войне дисциплина — это все.

При казарме организованы оружейная, столярная и механическая мастерские, в которых работают квалифицированные рабочие из самих же бойцов. Есть госпиталь и читальный зал, богатый снабженный самой разнообразной литературой, есть своя газета «Молодая гвардия».

Молодые бойцы настроены очень бодро. Они сознают, что борются не только за испанскую демократию, но за демократию всего мира.

Социалистическая молодежь Испанского народа борется за свободу испанского народа. Ряды бойцов ежедневно пополняются все новыми добровольцами. В каждом квартале Мадрида организованы пункты военной помощи для добровольцев.

Мадрид не будет занят! Мадрид будет молчаливой фаната! «Они не пройдут!»

*) Рота.

ИМЕНИ ГОРЬКОГО

Через три года недалеко от центра столицы, на берегу реки Яузы, при впадении ее в Москва-реку, вырастет огромное красивое здание Института всемирной литературы имени А. М. Горького.

Это будет одно из величественнейших сооружений новой реконструированной Москвы и вместе с тем одно из популярнейших научных учреждений столицы среди писателей и работников литературы всего мира. Из разных стран — из Украины, из Армении, из Бразилии, из Индии, из Греции и Таиланда — сюда будут приезжать для научно-исследовательской работы юристы, лингвисты, историки, философы и академики литературы, молодые писатели — сюда здесь необходимо в их творческой работе помощь; окончившие вузы продолжат свое высшее литературное образование.

В просторных, светлых, оборудованных по последнему слову техники помещениях широко развернут работу научно-исследовательские секции института, библиотека, отделения рукописей и художественно-иллюстративных материалов.

Библиотека разместится в обширном, вмещающем около миллиона томов, здании-ангарах. Посетитель найдет в ее кабинетах книги всех народов, всех времен; и китайца, и француза, и грека, и англичанина. Произведения Пушкина, Шекспира, Гете, Вальбаха и других классиков русской и мировой литературы здесь можно будет получить в оригинале и в переводе на основные европейские языки. С исчерывающей полнотой будет представлена русская литература и литература народов, населяющих Советский Союз.

Особое внимание в своей деятельности институт уделяет литературному наследию великого пролетарского классика — А. М. Горького.

В библиотеке организуется специальный кабинет по изучению жизни и творчества этого родоначальника пролетарской литературы. В нем будут собраны все произведения А. М. Горького на всех языках, обширнейшая литература о нем, а также книги и журналы с рукописями пометками писателя. Богатейшие собрания рукописей, писем А. М. Горького в отношении к нему иллюстрационные документы будут храниться в специальных комнатах.

Таким будет Институт мировой литературы им. А. М. Горького в недалеком будущем. А что он представляет собой? Чем занимаются его сотрудники в настоящее время?

В беседе с нашим сотрудником директором Института т. И. К. Луппол дал следующий ответ на эти вопросы.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького — одно из самых молодых научных учреждений столицы. Фактически он существует всего лишь несколько лет. Это в значительной степени объясняет его теперешнюю неустойчивость: институт не имеет необходимого ему помещения и вынужден ютиться в нескольких комнатах здания МОНО.

Институт ведет исключительно организационную работу и собирает материалы. Он комплектует базовые отделы: библиотеку, отдел рукописей и отдел художественно-иллюстративных материалов.

Что уже сделано?

Комплектование библиотеки началось в июле 1935 года. За пятнадцать месяцев собрано свыше 85 тысяч томов и много комплектов русских и иностранных журналов за последние годы. Начата организация кабинетов, которые в недалеком будущем явятся базовыми ячейками научно-исследовательских секций института. Уже созданы кабинеты английской, французской, англо-американской, немецкой и восточной литературы, а также кабинет истории русской литературы.

Отдел художественно-иллюстративных материалов, организованный в сентябре 1935 года, собрал 6 тысяч различных иллюстрационных документов, в том числе 47 тысяч гравюр и литографий, 30 тысяч фотографий, около 10 тысяч фотографий и свыше тысячи оригинальных рисунков.

Серьезное внимание уделяет отдел подбору иллюстрационных материалов по Горькому. Недавно институт приобрел свыше десятка негативов, снятых с А. М. Горького в начале XX столетия. Часть снимков негде не опубликовать.

Большие успехи за девять месяцев своего существования имеет отдел рукописей. Им собрано 12 тысяч автографов (писем, рукописей, машинописей с рукописными правками) русских и иностранных писателей: А. М. Горького, Тараса Шевченко, Н. Некрасова, Роман Роллана и др. Значительную ценность представляют полученные институтом литературные архивы Огица за 1910—30 гг., архив писателя-сурковцев, архив МОРП и МОПТ. В дальнейшем институт предполагает наиболее интересные материалы публиковать в специальных сборниках.

На базе созданных отделов будет построена научно-исследовательская деятельность института, значительным участком которой является работа по изучению творчества крупнейшего писателя нашего времени — А. М. Горького.

В. АНОВ.

В ПАРТОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

На днях состоялось собрание партийной организации СССР. Большой содержательный доклад 19-й годовщины Великой пролетарской революции сделал ответственный секретарь ЦСР т. В. Ставоцкий.

По докладу выступили: Барков, Аллетин, Оськин, Розенталь. Затем

Вечер комсомола

Комсомольская организация Союза советских писателей устроила 4 ноября вечер, посвященный 19-летию Великой пролетарской революции. На вечере присутствовали молодые писатели и поэты, а также молодежь комсомольских организаций Красной Пресни.

С докладом о 19-летию Октября выступил т. Алексеев.

После доклада читали свои стихи Сергей Васильев, П. Панченко.

ДРУЖБА ПОЭТОВ

Ленинградский союз советских писателей организовал секцию дружеской литературы, объединившую группу ленинградских поэтов и грузинских работников, работающих в Ленинграде. Секцию возглавляет Николай Тихонов.

— В последние годы, — сообщил нашему корреспонденту Н. Тихонов, — ленинградские поэты продолжили большую работу по ознакомлению русских читателей с творчеством современных грузинских поэтов и со многими произведениями замечательных грузинских поэтов прошлого. Работая над переводами грузинской поэзии, мы почувствовали необходимость расширить и углубить наши познания в области грузинской литературы и культуры, а свою переводную работу по возвращению к серьезному разбору и осуждению. Эти задачи и поставлены перед секцией грузинской литературы.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

Что готовят издательства к двадцатой годовщине Великой пролетарской революции?

К великой годовщине пролетарской революции издательство «Советский писатель» выпустило несколько интересных книг.

Два сборника: «Ленин в художественной литературе» и «Сталин в художественной литературе» выйдут массовыми тиражами. В них будут помещены лучшие произведения о великом вождях пролетариата, о великих писателях народов СССР. В сборники войдут также произведения о Ленине и Сталине иностранных авторов.

В роскошном издании выйдет сборник «Маришале Советского Союза», содержащий художественные биографии и портреты тт. Ворошилова, Тушачевского, Еврова, Влехера, Вуденного. К работе над этой книгой приглашены крупнейшие советские писатели — А. Толстой, Мих. Колесников, Н. Тихонов, Л. Леонов и др.

«Герои Советского Союза» — так будет называться книга о самых славных летчиках, героях Великой Отечественной войны: Аполитинский — «Огненный путь», Берзин — «Летный Восток», Брыкина — «Юности» и «Завоеватели».

На переиздание выйдут: «Летчик Ю. Либенского», «Кубанские повести» В. Ставоцкого, «Полетная почта» М. Шолохова, «Полкившие Европы» К. Федина.

Празднование XIX годовщины Великой пролетарской революции. Москва ночью в праздничном оформлении. На снимке: Центральный Дом Красной Армии им. М. В. Фрунзе. Фото Сабельникова и Грибовского (Сокофот).

Политическая лирика

На совещании поэтов, созванном правлением Союза советских писателей 4 ноября, всплыл, в связи с оценкой, данной недавно И. Эренбургом поэтическому отделу «Сборника «Мы с вами», вопрос о нынешнем уровне нашей политической лирики.

Отметка неуместной тонкости И. Эренбурга, его преувеличения в характеристике всех стихотворений, посвященных событиям в Испании, поэты должны были, тем не менее, признать, что стихотворный отдел сборника яркостью не блещет. Каждое стихотворение в отдельности, будучи в свое время помещено в газете, в том числе и в той, которая дала место статье Эренбурга, было терпимо. Но собранные вместе стихи о событиях в Испании вызывают собор, по мнению т. Н. Асеева, однообразную картину, оставляют впечатление некоего трафарета.

В чем же дело? Неужели поэты не выявлены тем, что происходит в Испании? Неужели всех их можно автоматизировать в безразличия профессионалов?

Утверждать подобное могут только люди, враждебно настроенные в отношении советской поэзии, отмахиваясь с безразличием к способностям ее поэтов. Причины не во всем ее достижениях. Причины не в тех, как правильно констатировалось на совещании, наши поэты ра-

ВМЕСТО ОТЧЕТА

Издательство «Советский писатель» в ближайших дни выпускает книгу В. Еремилва «Мечта Горького». В этой книге автор анализирует основные идеи художественного творчества Максима Горького как величайшего представителя социалистического гуманизма.

Творчество М. Горького рассматривается В. Еремилвом как неустанная борьба за освобождение человека, за освобождение труда, за воплощение в жизнь мечты одного из героев романа «Мать».

— Россия будет самой яркой демократией на земле.

В. Еремилв показывает, как великий писатель образами и идеями своего творчества боролся за те права человека, которые стали реальными в стране социализма, которые воплощены в бессмертной сталинской Конституции.

«Мечта Горького» выходит под редакцией М. Гуса. Тираж книги — 10.000 экземпляров.

«Мечта Горького»

История, о которой мы хотим рассказать, почтена на анекдот.

Каждый из вас, читатель, услышавши ее, сказал бы:

— Да что вы — этого не могло быть!

Но творцы анекдотической истории — люди мудрые и предостерегающие. Они все застерегающе, стенограмму сбросировали и снабдили подробной надписью, где и когда история происходила. Попро-буйте теперь ее поверить!

Словом, история была.

Десятого сентября 1936 года в издательстве «Советский писатель» состоялось обсуждение романа писателя Яковлева «Интересная жизнь».

В обсуждении приняли участие тт. Ф. Березовский, Лазарь, О. Колесников.

На трех человек, «обсуждавших» судьбу романа, роман читал только один (Ф. Березовский).

Тов. Лазарь заявил: «Я не читал, в сожалею, роман. На том собрании мне казалось, что этот вопрос кончен. Мне надо было бы роман в соответствии с содержанием прочитать и иметь свое непосредственное мнение».

Поругав Ф. Березовского над-ва, присутствовавший Яковлев, тов. Лазарь внес предложение: «Отложить речь на некоторое время, пока не пройдет это напряженное состояние».

Не читая романа, тов. О. Колесников высказался тоже за отложение романа. «Я не знаю, в каком виде роман находится сейчас, — сказала она, — но у меня такое ощущение, что роман разбук, стал очень рыхлым... Я бы стала кричать лучше, если бы сказала: давайте начнем, или это было бы выражением моего человеческого сочувствия тов. Яковлеву. Не говоря же только этим руководствоваться».

Необычайная история

В. Г. ЧЕРТКОВ

9 ноября, на 83 году жизни скончался Владимир Григорьевич Чертков, друг Л. Н. Толстого, главный редактор академического 92-томного издания его сочинений, выпускаемого Гослитиздатом на основании постановления Совнаркома СССР.

В. Г. Чертков родился 22 октября 1853 г. в Петербурге, где закончил образование и поступил вольнослушателем в конногвардейский полк. Дежурство в военных госпиталях, позволившие ему близкие знакомства с помещиками там политическими заключенными, послужили одной из основных причин прозаического и глубокого разочарования в существовавшем общественном и политическом строе. Под влиянием новых мыслей и чувств В. Г. Чертков в 1881 г. оставил полк, навсегда отказавшись от военной карьеры. В октябре 1883 г., через общих знакомых, состоялось личное его знакомство с Л. Н. Толстым, вскоре превратившееся в тесную дружбу, оставившую неизменной до конца жизни Л. Н. Толстого. В 1884 г. по инициативе В. Г. Чертова и при непосредственном участии Л. Н. Толстого было организовано издательство «Поредия», имевшее целью распространение среди широких слоев населения «дешевой и полезной книжки».

Вместе с тем, В. Г. Чертков, как друг и единомышленник Толстого, продолжал совместно с ним работу по созданию политического порядка, выходящего за пределы политического правительства. В 1897 г. по личному распоряжению Николая П. В. Г. Чертков был выслан за границу. Он поселился в Лондоне, где организовал издательство и журнал «Свободное слово», в котором печатались запрещенные в России дарственные произведения Толстого и различные статьи и сообщения о русском правительственном гнете. После революции 1906 г. Чертков получил разрешение вернуться в Россию; поселившись в Тульской губернии на хуторе Тетятинки, близ Ясной Поляны, Чертков возобновил свои отношения с Толстым, за что в 1909 г. снова был по распоряжению Столыпина выслан из пределов Тульской губернии. После смерти Толстого в 1910 г. деятельность Чертова сосредоточивалась на стремлении возможно полнее публиковать сочинения Толстого, редактирование и издание которых было возложено на него завещательными распоряжениями Толстого.

В 1912 г. вышел в свет, под его редакцией, три тома посмертных произведений Толстого.

Но только после Октябрьской революции, при личном участии В. И. Ленина, был разработан и утвержден проект академического издания полного собрания сочинений Толстого, приуроченного к столетию со дня рождения Толстого в 1929 г. В том же году Чертковым была пожертвована Государственный Толстовский Музей огромная коллекция автографов Толстого, собиравшаяся им в течение многих лет его близости с Толстым и хранившаяся до тех пор в Англии.

ЧЕРТКОВ — РЕДАКТОР СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО

24 июня 1926 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление об издании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 92 томах. В 1926 г. в качестве главного редактора издания был привлечен В. Г. Чертков, который вместе с группой своих сотрудников с начала 1880-х годов, занимаясь собиранием и систематизацией передаваемых ему Толстым рукописей.

Сострадательно этому материалу Чертков выдал в печать почти все юбилейное издание сочинений Толстого, распадающегося на три серии. В первую серию входят произведения художественные и теоретические, во вторую — дневники и записные книжки, в третью — письма. Всего до настоящего времени вышло 26 томов. В производстве находится 11 томов, подготовлены Главной редакцией и переданы издательству оригиналы 33 томов.

В вышедших 26 томах содержится почти все художественное произведение великого писателя.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., в. 26, тел. 68-81 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 3-81-88.

Государственное издательство «Художественная литература» при СНК РСФСР со скорбью извещает о смерти главного редактора академического собрания сочинений Л. Н. Толстого

Владимира Григорьевича ЧЕРТКОВА

последовавшей 9 ноября в 18 ч. 22 м.

Государственная редакционная комиссия по изданию академического собрания сочинений Л. Н. Толстого о прискорбном извещает о смерти главного редактора собрания сочинений

Владимира Григорьевича ЧЕРТКОВА

последовавшей на 83 году жизни 9 ноября в 18 ч. 22 м.

Комитет по исполнению воли Л. Н. Толстого и редакционный комитет юбилейного издания полного собрания сочинений Л. Н. Толстого извещает о смерти главного редактора

Владимира Григорьевича ЧЕРТКОВА

последовавшей 9 ноября. Вын. со тела 11 ноября в 3 1/2 ч. дня для погребения на кладбище «Введенские Горы» (Леофорово).

ПРОДАЮТСЯ И ВЫСЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ И ПЛАТЕЖОМ ОТДЕЛЬНЫЕ, ОСТАВИШИЕ ПОСЛЕ РАССЫЛКИ ПОДПИСЧИКАМ, ТОМА КУБИЛЕЙНОГО ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Льва Николаевича ТОЛСТОГО

(Академич. издание) в 92-х томах, под общей редакцией В. Г. Чертова.

Том 8-й — педагогические статьи 1860—1863 гг.

Том 17-й — неоконченные художественные произведения 1870 гг. — «Декабристы», Роман времен Петра I, «Сто лет» и др.

Том 54-й — Дневник 1900—1903 гг.

Том 58-й — Дневники и записные книжки 1910 г.

Том 59-й — Письма (к разным лицам) 1844—1865 гг.

Том 85-й — Письма к В. Г. Черткову 1883—1886 гг.

Том 26-й — (Выходит в свет) Художественные произведения (1894—1899 гг. — «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича», драма «Власть тьмы» и ряд статей («О Гоголе» и др.).

Цена каждого тома — 10 руб.

Продать во всех областных, краевых магазинах поданных изданий КОГИЗ, а также в Гл. полн. конторе — Москва, Маросейка, 7. Переслать по почте за счет покупателя. Книготоргующим организациям предоставляется скидка.

Главная полн. контора КОГИЗ Москва, Маросейка, 7

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1937 г. на ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДЕЖ. журнал «РЕЗЕЦ»

«РЕЗЕЦ» печатает произведения крупнейших советских и иностранных революционных писателей, а также лучшие произведения молодых авторов.

«РЕЗЕЦ» имеет постоянную литературную консультацию: письменную и устную.

«РЕЗЕЦ» выходит 24 номера в год.

Подписка цена: на 3 мес. — 3 руб. » 6 » — 6 руб. » 12 » — 12 руб.

Подписка принимается ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ всеми почтовыми отделениями, райбюро Союзпечати, писмоконсультациями и Ленинградским областным издательством (Ленинград, 123, Торговый пер., 9).

АКВИЛОНОВ.